

НА СТРАЖЕ

2024
№ 3 (7)

ЗАКОНА

Научный журнал «На страже закона». Научный журнал учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Зарегистрирован в качестве средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 21 марта 2023 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-84871

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета

Стельмах В.Ю., д.ю.н., доцент

Члены редакционного совета:

Давлетов А.А., д.ю.н., профессор;

Балакшин В.С., д.ю.н., профессор;

Сабанин С.Н., д.ю.н., профессор;

Спирин А.В., к.ю.н., доцент

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гусев А.В., к.ю.н., доцент

Заместитель главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Аюпова Г.Ш., к.ю.н.;

Веденин Д.В., к.ю.н.;

Виноградова О.П., к.ю.н., доцент;

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент;

Дерюгин Р.А., к.ю.н., доцент;

Расулова Н.С., к.ю.н.;

Титов П.М., к.ю.н.;

Чернышев Д.Б., к.ю.н.;

Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь *Кудоярова Г.Р.*

Редактор *Бebих И.Б.*

Переводчик *Гузикова В.В.*

Федеральный научный журнал «На страже закона» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2023 года и издается ежеквартально.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург,

ул. Корепина, 66. Тел./факс: (343) 331-70-64

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2949-2696

Подписано в печать 27.09.2024. Формат 60x84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 30 экз. Заказ № 59

Дата выхода в свет 30.09.2024. Свободная цена

© Уральский юридический институт МВД России, 2024

ENFORCEMENT

The Scientific Journal «Law enforcement». The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation». Registered in mass media by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, registration date: March 21, 2023, registration number: PI FS77-84871

Editorial Council:**Chairperson of the Editorial Council**

Stelmakh V.Yu., dr. of law, associate professor

Members of the Editorial Council:

Balakshin V.S., dr. of law, professor;

Davletov A.A., dr. of law, professor;

Sabanin S.N., dr. of law, professor;

Spirin A.V., cand. of law, associate professor

Editorial Board:**Chief Editor**

Gusev A.V., cand. of law, associate professor

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., cand. of law, associate professor

Members of the Editorial Board:

Ayupova G.SH., cand. of law;

Vedenin D.V., cand. of law;

Vinogradova O.P., cand. of law, associate professor;

Golubykh N.V., cand. of law, associate professor;

Deryugin R.A., cand. of law, associate professor;

Rasulova N.S., cand. of law;

Titov P.M., cand. of law;

Chernyshev D.B., cand. of law;

Schetinina N.V., cand. of law, associate professor

Executive Secretary *Kudoyarova G.R.*

Editor *Bebikh I.B.*

Translator *Guzikova V.V.*

The Federal Scientific Journal «Law enforcement» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches by specialty 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences), materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2023 and is published quarterly.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house / printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, ul. Korepina, 66.
Tel./Fax: (343) 331-70-64;
E-mail: ural-yui@mvd.ru
Website: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2949-2696

Signed in the press on September 27, 2024.

Format 60x84 / 8 Offset printing. Office paper.

Usl. Printer. L. 8.0. Uch.-ed. L. 8.0 Edition 30 copies.

Order No. 59. Date of publication on

September 30, 2024. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

<i>Спирин А.В.</i> О дифференциации уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве	5
<i>Журавлева Н.М.</i> О значении специальных знаний при расследовании налоговых преступлений	13
<i>Титов П.М.</i> К вопросу применения полиграфа в уголовно-процессуальной деятельности	17

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ

<i>Елфимов П.В.</i> Особенности назначения и производства судебной экспертизы в государственных и негосударственных экспертных учреждениях	23
<i>Мосин И.В., Воробьева Д.В.</i> Тактические особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования по делам о хищениях денежных средств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	31

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

<i>Крупник И.А.</i> Социально-правовые предпосылки установления уголовной ответственности за подкуп спортивного арбитра (третейского судьи)	37
<i>Токарев Д.С., Родыгин Р.А.</i> К вопросу о либерализации и гуманизации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности	41
<i>Тучков А.Ю., Баранова Ю.В., Лаптев В.И.</i> Актуальные проблемы применения современного института принудительных мер воспитательного воздействия	45

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «На страже закона» ссылка на журнал обязательна.

CONTENTS

CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINAL TRIAL

<i>Spirin A.V.</i> On the differentiation of criminal procedural activities of the prosecutor in pre-trial proceedings	5
<i>Zhuravleva N.M.</i> On the importance of special knowledge in the investigation of tax crimes	13
<i>Titov P.M.</i> On the issue of the use of a polygraph in criminal procedural activities	17

CURRENT STATE AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CRIMINALISTICS. FORENSIC SCIENCE

<i>Elfimov P.V.</i> Features of the appointment and production of forensic examination in state and non-state expert institutions	23
<i>Mosin I.V., Vorobyova D.V.</i> Tactical features of the production of individual investigative actions at the initial stage of the investigation in cases of embezzlement of funds committed using information and telecommunication technologies	31

THEORY OF CRIMINAL LAW AND THE PROBLEMS OF MODERN CRIMINAL LAW

<i>Krupnik I.A.</i> Socio-legal prerequisites for establishing criminal liability for bribery of a sports referee (arbitrator)	37
<i>Tokarev D.S., Rodygin R.A.</i> On the issue of liberalization and humanization of criminal liability for crimes in the sphere of economic activity	41
<i>Tuchkov A.Yu., Baranova Yu.V., Laptev V.I.</i> Actual problems of the application of the modern institute of compulsory educational measures	45

When reprinting or reproducing in any way, in whole or in part, materials of the journal «Law enforcement» reference to the journal is obligatory.

Научная статья

УДК 343.16

О дифференциации уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве

Спирин Александр Владимирович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,

a_v_spirin@bk.ru

Аннотация. Констатация различного объема полномочий прокурора в досудебном производстве по отношению к двум формам расследования носит в настоящее время очевидный характер. Но есть ли реальная основа для возникших в 2007 г. отличий? В поисках ответа автор статьи обращается к рассмотрению процессов (методов) дифференциации и интеграции, используемых законодателем при формулировании правовых положений. Вывод, к которому приводят результаты рассуждений, таковы: необходима разумная и взвешенная унификация средств уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве.

Ключевые слова: досудебное производство, прокурор, полномочия прокурора, предварительное следствие, дознание, дифференциация, интеграция

Для цитирования: Спирин А. В. О дифференциации уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве // На страже закона. 2024. № 3. С. 5–12.

Original article

On the differentiation of criminal procedural activities of the prosecutor in pre-trial proceedings

Spirin Alexander V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,

a_v_spirin@bk.ru

Abstract. The statement of the different scope of powers of the prosecutor in pre-trial proceedings in relation to the two forms of investigation is currently obvious. But is there a real basis for the differences that arose in 2007? In search of an answer, the author of the article turns to the consideration of the processes (methods) of differentiation and integration used by the legislator in formulating legal provisions. The conclusion to which the results of the reasoning lead is as follows: a reasonable and balanced unification of the means of criminal procedure activities of the prosecutor in pre-trial proceedings is necessary.

Keywords: pre-trial proceedings, prosecutor, powers of the prosecutor, preliminary investigation, inquiry, differentiation, integration

For citation: Spirin A. V. On the differentiation of criminal procedural activities of the prosecutor in pre-trial proceedings // Law Enforcement. 2024. № 3. Pp. 5–12.

© Спирин А.В., 2024

Одной из характерных особенностей современного правового регулирования статуса прокурора в досудебной части уголовного судопроизводства следует признать существенное отличие правовых средств, используемых этим участником во взаимодействии со следователем (органом предварительного следствия), от правовых средств, которыми он располагает в правоотношениях с дознавателем (органом дознания). В литературе констатируется, что данные правовые средства (надзорные полномочия) прокурора дифференцированы, и отмечается, что подобного никогда ранее не наблюдалось ни в советский, ни в постсоветский периоды [1, с. 641].

Для того чтобы убедиться в справедливости утверждения о дифференциации полномочий прокурора в досудебном производстве, достаточно обратиться к содержанию, например, п. 9 и 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, сопоставить ст. 221, 226, 226.8 УПК РФ. Как представляется, нет необходимости подробно анализировать здесь положения названных и многих других норм УПК РФ, различным образом регулирующих одни и те же, по существу, процессуальные отношения, складывающиеся между прокурором и лицом, производящим предварительное расследование. Законодателем сформированы две существенно отличающиеся между собой модели уголовно-процессуальной деятельности прокурора: 1) уголовно-процессуальная деятельность прокурора в рамках дознания (лежащая в русле традиционного для отечественного уголовного процесса прокурорского надзора в досудебном производстве) и 2) уголовно-процессуальная деятельность прокурора в рамках предварительного следствия (для которой характерны передача целого ряда надзорных по своей сути полномочий руководителю следственного органа и ограниченность роли прокурора в осуществлении уголовного преследования).

Если не ограничиваться констатацией очевидного, а попытаться разобраться в сущности и причинах сложившегося положения, то уместной представляется постановка ряда вопросов, в том числе: чем обусловлены причины отмеченной дифференциации полномочий прокурора; в чем выражается потребность в специфическом правовом регулировании соответствующих общественных отношений? И, как итог, оправданно ли отличие в содержании его уголовно-процессуальной деятельности в рамках двух форм единого предварительного расследования?

Прежде чем перейти к развертыванию аргументации, подчеркнем важное обстоятельство: наш интерес обращен к процессуальной фигуре прокурора и его процессуальной деятельности в существующей конфигурации досудебного производства. Естественно, в случае возможного реформирования досудебного производства, переформатирования современного дознания в «полицейское» или «прокурорское», полностью изменятся и подходы к конструированию соответствующей прокурорской деятельности.

Сам по себе процесс дифференциации в праве вообще и в уголовно-процессуальном праве в частности, наряду с противоположным процессом интеграции (унификации), не представляет собой чего-то необычного. Г. Ф. Шершеневич более века назад выделял в процессе правообразования дифференциацию и одновременно интеграцию норм права. Последняя выражается в том, что, несмотря на постоянное возрастание числа норм права, происходит сединение и координирование их в институты [2, с. 146]. Дифференциация в праве отражает, как отмечается в правовой теории, осознанную потребность в специфическом правовом регулировании общественных отношений. Вместе с тем для стабильного развития системы права необходимо диалектическое взаимодействие дополняющих и сдерживающих друг друга процессов дифференциации и интеграции [2, с. 147, 155].

Отмеченные закономерности развития и совершенствования права в полной мере распространяются на нормативное регулирование уголовно-процессуальной деятельности. Учеными отмечается, что дифференциация направлена на оптимизацию уголовного судопроизводства, поскольку позволяет принять во внимание разнообразные особенности, которые не отражает общий традиционный порядок [3].

Метод дифференциации используется, в частности, для построения отдельных стадий процесса. Так, предварительное расследование осуществляется в настоящее время в форме предварительного следствия или в форме дознания (обычного или сокращенного). При этом должностные лица органов, расследующих уголовные дела, выполняют единую функцию уголовного преследования от имени государства. Вместе с тем предварительное следствие и дознание являются в настоящее время не автономными стадиями уголовного процесса, а всего лишь формами единой ста-

дии (предварительного расследования) [1, с. 650–651].

Исходя из сказанного, можно предположить, что интересующая нас дифференциация полномочий прокурора в досудебном производстве обусловлена некими коренными различиями в самой процессуальной деятельности органов предварительного следствия и органов дознания, базируется на устойчивой правовой традиции и подкреплена теоретическими разработками доктрины уголовного процесса и (или) прокурорского надзора. Проверим, так ли это.

Начнем с проверки предположения, что дифференциация полномочий прокурора в двух формах предварительного расследования основана на исторически сформировавшейся правовой традиции отечественного уголовного судопроизводства, является одним из проявлений российского национального менталитета. Разумеется, чтобы проведение соответствующих сравнений было корректным, обращаться нужно к тем периодам истории развития уголовного процесса, когда дознание и предварительное следствие (как сейчас) являлись двумя формами предварительного расследования. Поэтому наше внимание будет обращено к действовавшему почти на протяжении полувека УПК РСФСР 1960 г.

Как известно, действующий ныне Уголовно-процессуальный кодекс РФ сменил упомянутый выше Кодекс 1960 г. и стал своего рода его развитием, продолжением. УПК РСФСР также предусматривал производство предварительного расследования в форме дознания или предварительного следствия. Различия между двумя формами расследования в период действия последнего советского УПК, в сравнении с прежним правовым регулированием отечественного уголовного процесса (нам важно оценить именно тенденции развития), по оценкам ученых, полностью исчезли [1, с. 160]. Об этом свидетельствует ст. 120 УПК РСФСР. Названная статья содержала немногочисленные исчерпывающие исключения из правил, установленных для предварительного следствия. Что касается таких важнейших аспектов предварительного расследования, как порядок привлечения в качестве обвиняемого и окончание предварительного расследования, то отличий процессуальной формы не имелось.

Дифференциации в уголовно-процессуальной деятельности прокурора в зависимости от формы предварительного расследования УПК РСФСР 1960 г. не предусматривал. Например, его ст. 25 обязывала прокурора своевременно

принимать предусмотренные законом меры к устранению всяких нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили. Глава 18 данного Кодекса носила наименование «Надзор прокурора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия» и содержащиеся в ней нормы не имели каких-либо отличий в порядке реализации полномочий прокурора по отношению к следователю или органу дознания (лицу, производящему дознание). Такое положение существовало, несмотря на то, что п. 6а ст. 34 и ст. 127.1 УПК РСФСР (введены Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1965 г.) наделяли начальника следственного отдела компетенцией по осуществлению контроля за процессуальной деятельностью следователей.

Различий в объеме и характере полномочий прокурора по отношению к двум формам расследования не имелось и в исходной редакции УПК РФ 2001 г. Подход законодателя в данном вопросе кардинально поменялся с вступлением в силу Федерального закона № 87 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"». Согласно данному закону произошло не просто переименование начальника следственного отдела в руководителя следственного органа, этот участник существенно расширил свою компетенцию за счет изъятия целого ряда полномочий (исторически присущих надзорному органу в досудебном производстве) у прокурора. Авторы законопроекта (реализовавшегося впоследствии в упомянутый выше Федеральный закон) в пояснительной записке указывали, что изменения направлены на организационное разграничение функций в сферах осуществления надзора за соблюдением законности при производстве дознания, предварительного следствия и рассмотрении уголовных дел в судах, с одной стороны, и организации и проведения следственных действий в рамках процессуальных полномочий по осуществлению следственных действий, имеющихся у органов прокуратуры (курсив мой. – А.С.), – с другой¹. Достигнута ли названная цель, можно оценить, проанализи-

¹ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <http://duma.gov.ru>.

ровав существующее правовое регулирование.

Соответствующий анализ необходим в первую очередь и для того, чтобы обнаружить коренные различия в уголовно-процессуальной деятельности органов следствия и органов дознания. Логично предположить, что «первичная» дифференциация форм расследования потенциально создает определенные условия для «производной от нее» дифференциации уголовно-процессуальной деятельности прокурора, связанной с предварительным производством. Мы исходим из того, что прокурорский надзор (равно как и ведомственный процессуальный контроль) выполняют особую вспомогательную, обслуживающую роль по отношению к правоприменительной деятельности следователя или дознавателя [4, с. 92–93].

В настоящее время в науке общепринято, что две формы предварительного расследования отличаются друг от друга по ряду признаков. Эти отличия касаются категории расследуемых преступлений; субъектов (органов) расследования; сроков производства; структуры производства (наличия или отсутствия этапа привлечения в качестве обвиняемого); статуса лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование (специфический способ признания лица подозреваемым в дознании (уведомление о подозрении) и особенности приобретения обвиняемым его статуса); процессуальной формы окончания расследования. В то же время неоспоримо наличие существенных черт, сближающих следствие с дознанием. Такие признаки выделил С. В. Супрун: 1) единые основания начала и окончания производства; 2) единые основания и порядок постановки физических и юридических лиц в статусы потерпевшего, подозреваемого, гражданского истца и гражданского ответчика; 3) единые основания и условия производства следственных действий и избрания мер процессуального принуждения. Вывод, сделанный названным ученым, таков: дознание по сущностным, значимым для производства предварительного расследования признакам ничем не отличается от следствия [5].

Оценить существенность, степень отличия (либо, напротив, сходства) двух форм расследования можно по-разному. Как правило, ученые определяют их как технические, искусственные, формальные (а границы между двумя формами расследования расцениваются как расплывчатые) [1, с. 650–651; 6; 7], усматривая в дознании «незначительно сокращенный вариант» предварительного следствия [8]. До-

статочно распространенной является такая оценка: современное дознание – это упрощенный вариант предварительного следствия, либо предварительное следствие – квалифицированное дознание [7; 9].

Особняком стоит дознание в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ), поскольку отличается более отчетливо выраженными процессуальными особенностями. К ним следует отнести действительно сокращенный срок расследования, особенности доказывания, наличие строго установленных условий производства, отсутствие возможности вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. На наш взгляд, «ускоренность» досудебного производства в рамках дознания в сокращенной форме, наличие определенных условий для ущемления прав отдельных участников уголовного судопроизводства объективно требуют некоторого расширения объема правовых средств прокурора, детализации порядка их применения. Например, абсолютно оправданным выглядит приведение в ст. 226.8 УПК РФ перечня оснований для возвращения прокурором уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке (п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ). Законодатель посчитал нужным указать на «наличие достаточных оснований полагать самооговор обвиняемого» (подп. «г» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ) как на нарушение, влекущее необходимость повторного расследования уголовного дела.

Возвращаясь к анализу отличий дознания в общем порядке от предварительного следствия, мы находим вполне аргументированную оценку тех исследователей, которые считают, что эти формы представляют собой на современном этапе развития отечественного уголовно-процессуального права два вида однородной процессуальной деятельности, различия между которыми минимальны. Они имеют единую природу, фактически совпадают по целям, задачам, процессуальным средствам, месту в структуре уголовного процесса и т. д. [1, с. 650–651; 8; 9, с. 185].

Реформа досудебного производства, проведенная в 2007 г., коснулась, таким образом, лишь отношений контроля и надзора в рамках одной из форм предварительного расследования и не затронула иных аспектов правового регулирования деятельности следователя и дознавателя. В результате, как несложно заметить, фактически произошло не только разграничение функции надзора и организации и проведения следственных действий (как отмечалось в процитированной выше пояс-

нительной записке), но и деформирование единой надзорной деятельности прокурора в досудебном производстве, и расщепление ее на две «ветви». Кроме того, реформирование коснулось не только надзора за следственным аппаратом прокуратуры (чью процессуальную самостоятельность стремился, по мнению И. С. Дикарева [10], обеспечить законодатель, и которого прокуратура вскоре лишилась), но и надзора за процессуальной деятельностью всех органов предварительного следствия. Что касается декларированного усиления процессуальной самостоятельности следователя, то всерьез говорить об этом не приходится: самостоятельность приобрел руководитель следственного органа, но не следователь [11].

От анализа норм ранее действующего уголовно-процессуального законодательства и актуального правового регулирования интересующих нас вопросов перейдем к рассмотрению теоретических положений науки уголовного процесса и прокурорского надзора, которые, вероятно (предположим), обосновывают дифференциацию уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве.

Поскольку дифференциация уголовно-процессуальной деятельности прокурора в рамках двух форм предварительного расследования представляет собой частный случай дифференциации в уголовном судопроизводстве, обратимся к разработкам ученых, исследовавших объективные основания для такого законодательного подхода. И. С. Дикарев обобщил и выделил ряд субъективных и объективных факторов, обуславливающих необходимость закрепления в законе дифференцированных форм судопроизводства. К числу объективных факторов ученый, в частности, отнес: сложность расследования преступления и его тяжесть, наличие в правовой системе предписаний, устанавливающих особые требования к процедуре разрешения тех или иных правовых вопросов (возможность ограничения конституционных прав граждан лишь на основании судебного решения). Субъективными факторами дифференциации, в рамках рассматриваемой концепции, являются: поведение подозреваемого или обвиняемого, благоприятствующее либо, напротив, препятствующее расследованию, отдельные особенности данного субъекта (возраст, особый правовой статус, состояние здоровья) [12].

На наш взгляд, перечисленные И. С. Дикаревым факторы так или иначе нашли отражение в установлении отдельных особенностей уго-

ловно-процессуальной деятельности прокурора в ряде производств. Например, специфические черты этой деятельности характерны для особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ). Эта специфика целиком и полностью оправдана и не вызывает возражений. А вот объективных оснований для столь кардинальной дифференциации деятельности прокурора в зависимости от формы предварительного расследования, которые имели бы под собой солидную научную аргументацию, найти, на наш взгляд, невозможно.

Весомый аргумент в данном вопросе приводит К. А. Таболина. Она отстаивает положение о том, что защита публичного интереса в досудебном производстве не может быть поставлена в зависимость от формы расследования и субъекта его производства. Соответственно, объем полномочий прокурора в этой сфере как правовое средство защиты публичного интереса не может быть поставлен в зависимость от формы предварительного расследования [13, с. 31].

Искусственным и неоправданным является установление различного объема полномочий прокурора и степени их власти по отношению к двум равнозначным объектам надзора – органам дознания и предварительного следствия – и с точки зрения теории прокурорской деятельности. В учебной литературе справедливо отмечается полное совпадение предмета прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного следствия и дознанием. Попытку отдельного формулирования целей (задач), стоящих перед прокурором при осуществлении надзора в рамках разных форм предварительного расследования следует признать малоудачной. Часть таких целей в трактовке Е. Р. Ергашева практически полностью совпадает (например, обеспечение незамедлительного реагирования на выявленные нарушения закона). Другая часть, свойственная, по мнению автора курса лекций, прокурорскому надзору за исполнением законов органами предварительного следствия, с полным правом должна быть отнесена и к осуществлению надзора во второй форме предварительного расследования (единообразное применение положений уголовно-процессуального закона; восстановление нарушенных прав участников уголовного судопроизводства и возмещение причиненного вреда) [14, с. 220, 231–232].

Несомненный интерес представляют исследования ученых, посвященные «частным про-

явлениям» рассматриваемой нами дифференциации полномочий прокурора в досудебном производстве. Например, глубокому теоретическому разбору подверг особенности процессуальной формы направления уголовных дел в суд И. С. Дикарев. Закрепленную в УПК РФ тенденцию дифференциации процессуальной формы названный автор признает ошибочной и чреватой негативными последствиями. В этом отношении с ним невозможно не согласиться. Действительно, именно прокурор является представителем публичной обвинительной власти в суде, поэтому именно ему может быть предоставлено право предъявлять суду любое требование, связанное с применением уголовного закона [10; 15; 16].

Нам представляется, что в досудебном производстве по уголовным делам прокурор, отстаивая публичный интерес, решает единые, не зависящие от формы предварительного расследования задачи. Единным является и предмет уголовно-процессуальной деятельности прокурора, он не зависит от формы предварительного расследования и охватывает процессуальные действия и решения участников уголовного судопроизводства и иных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

Констатация единой природы, целей, задач, процессуальных средств, места в структуре уголовного процесса двух форм предварительного расследования, единства предмета и задач прокурорской деятельности подводит нас к закономерному выводу: инструменты осуществления данной деятельности также должны быть едины. Различия могут существовать в отдельных частных вопросах. Например, придание процессуального статуса подозреваемому путем уведомления о подозрении (ст. 223.1 УПК РФ) характерно лишь для дознания, поэтому прокурорский надзор в данной части распространяется лишь на процессуальную деятельность дознавателя и осуществляется в определенных формах. Существующие в настоящее время отличия в содержании уголовно-процессуальной деятельности прокурора в рамках двух форм единого предварительного расследования носят, по преимуществу, искусственный характер. Веских причин столь для ярко выраженной дифференциации полномочий прокурора и потребности в специфическом правовом регулировании соответствующих общественных отношений не имеется, следовательно, дифференциацию уголовно-процессуальной деятельности прокурора во взаимоотношениях с органами следствия и дознания нужно оценить как избыточную.

Сделанный вывод позволяет вести речь об определенном несовершенстве действующего уголовно-процессуального законодательства. С точки зрения правовой теории при высоком уровне дифференциации система права неоправданно усложняется, теряются внутренние связи между ее структурными элементами (нормами, институтами, отраслями). Чрезмерная дифференциация может привести к потере целостности системы и к снижению эффективности правового регулирования [2; 147]. Следовательно, отмеченная дифференциация уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве снижает эффективность такой деятельности, что не лучшим образом сказывается на достижении назначения уголовного судопроизводства в целом. Поэтому следует обратиться к методу интеграции, диалектически связанному с дифференциацией и необходимому, поскольку эти методы правового регулирования, как уже указывалось, дополняют и одновременно сдерживают друг друга. Интеграция позволяет обеспечить единство и стабильность нормативно-правовой материи, сделать процесс юридической регламентации цельным, она содействует обеспечению единства судебной и иной юридической практики [2, с. 147, 168].

Наши рассуждения, опирающиеся на положения теории права, закономерно приводят к выводу о необходимости разумной и взвешенной унификации средств уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве. По каким направлениям может осуществляться процесс унификации? Вопрос стоит не в плоскости «больше – меньше полномочий необходимо предоставить прокурору». Следует найти оптимум таких полномочий для досудебного производства в целом, вернув прокурору «генетически» свойственные его права, в то же время избавившись от утративших в настоящее время смысл (в связи с появлением полноценных фигур процессуальных руководителей) средств по «процессуальной опеке» дознавателей. К основным направлениям предлагаемой унификации, совершенствования уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве можно отнести следующие:

- обеспечение равной обязательности надзорных полномочий прокурора как для дознавателя, так и для следователя;
- отказ от некоторых полномочий по руководству процессуальной деятельностью органов дознания;

– унификация полномочий прокурора по осуществлению уголовного преследования в рамках предварительного следствия и дознания;

– обеспечение равной (в основных чертах) процессуальной самостоятельности следователя и дознавателя;

– устранение «технических» недочетов правового регулирования (недочетов законодательной техники).

Мы ведем речь именно о направлениях изменения законодательства, поскольку каждое из них требует конкретизации (какие именно изменения предполагаются) и отдельной развернутой аргументации, что невозможно сделать в рамках одной статьи. Например, сложность решения задачи по оптимизации «руководящих» полномочий прокурора в дознании заключается в том, что процессуальное руководство со стороны прокурора не просто разделить с функциями уголовного преследования и надзора [17, с. 101]. Так, указания прокурора о направлении расследования и производстве отдельных следственных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) позволяют ему осуществлять уголовное преследование в форме руководства этой деятельностью. Такого рода полномочия в арсенале прокурора необходимы. Но насколько необходимы полномочия по разрешению отводов, заявленных дознавателем, продлению процессуальных сроков и тому подобные полномочия по управлению расследованием? Вероятно, необходима своего рода «инвентаризация» полномочий прокурора, призванная оценить, насколько то или иное полномочие объективно необходимо в арсенале прокурора либо его можно передать в распоряжение ведомственного руководителя.

В целом же перспективной была бы, на наш взгляд, унификация правового регулирования в рамках включения в УПК РФ отдельной главы под условным названием «Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве». Положения этой главы могут содержать перечисление полномочий прокурора, которыми тот располагает в двух первых стадиях уголовного процесса, раскрывать порядок обжалования действий и решений прокурора, а также регулировать иные вопросы данной деятельности.

Библиографический список

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2017. 1280 с.
2. Радько Т. Н., Азми Д. М., Головина А. А. [и др.]. Система права: история, современность, перспективы: монография / под ред. Т. Н. Радько. М.: Проспект, 2021. 256 с.
3. Даровских С. М., Даровских О. И. Дифференциация процессуальной формы уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования как средство обеспечения его эффективности // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 4. С. 198–203.
4. Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права / под ред. проф. М. И. Байтина. Саратов: изд-во Саратовского университета, 1983. 184 с.
5. Супрун С. В. Дознание – сокращенное следствие? // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 138–142.
6. Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 54 с.
7. Рябинина Т. К. Дознание – самостоятельная форма досудебного производства // Российский следователь. 2013. № 19. С. 44–48.
8. Белов М. В. Об общности процессуальных гарантий на этапе окончания различных видов дознания // Вопросы теории и практики в досудебном производстве: материалы Всероссийской науч.-практ. конференции. Иркутск, 2023. С. 99–103.
9. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций. Екатеринбург. 2020. 390 с.
10. Дикарев И. С. Кто должен направлять в суд уголовные дела для рассмотрения по существу? // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 44–46.
11. Зотов А. Ю. Процессуальная самостоятельность следователя: реальность или теоретическая конструкция? // Уголовное судопроизводство. 2018. № 4. С. 17–24.
12. Дикарев И. С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 18–21.
13. Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 39 с.
14. Ергашев Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации: курс лекций. Екатеринбург, 2016. 316 с.
15. Дикарев И. С. Об унификации процессуальной формы направления уголовных дел в суд // Законность. 2017. № 8. С. 53–56.
16. Дикарев И. С. Полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением // Российский следователь. 2020. № 10. С. 61–64.

17. Сычев Д. А. О содержании функции уголовного преследования в деятельности прокурора в досудебном производстве // Криминалист. 2022. № 4. С. 98–104.

References

1. Course of criminal proceedings / ed. L. V. Golovko. M.: Statute, 2017. 1280 p.

2. Radko T. N., Azmi D. M., Golovina A. A. [et al.]. System of law: history, modernity, prospects: monograph / ed. T. N. Radko. M.: Prospect, 2021. 256 p.

3. Darovskikh S. M., Darovskikh O. I. Differentiation of the procedural form of criminal proceedings at the stage of preliminary investigation as a means of ensuring its effectiveness // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4. Pp. 198–203.

4. Voplenko N. N. Socialist legality and application of law / ed. prof. M. I. Baitina. Saratov: Publishing House of Saratov University, 1983. 184 p.

5. Suprun S. V. Inquiry – Abbreviated Investigation? // Russian Law Journal. 2010. № 5. Pp. 138–142.

6. Manova N. S. Theoretical problems of criminal procedure proceedings and differentiation of their forms: author. dis. ... jurid. sciences. M., 2005. 54 p.

7. Ryabinina T. K. Inquiry is an independent form of pre-trial proceedings // Russian investigator. 2013. № 19. Pp. 44–48.

8. Belov M. V. On the commonality of procedural guarantees at the stage of completion of various types of inquiry // Questions of theory and practice in pre-trial proceedings: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2023. Pp. 99–103.

9. Davletov A. A. Criminal proceedings of the Russian Federation: course of lectures. Yekaterinburg. 2020. 390 p.

10. Dikarev I. S. Who should send criminal cases to the court for consideration on the merits? // Russian justice. 2017. № 11. Pp. 44–46.

11. Zotov A. Yu. Procedural independence of the investigator: reality or theoretical construction? // Criminal proceedings. 2018. № 4. Pp. 17–24.

12. Dikarev I. S. Differentiation of the criminal procedural form and the factors that determine it // Russian justice. 2013. № 12. Pp. 18–21.

13. Tabolina K. A. Supervision of the Prosecutor for the Initiation and Investigation of Criminal Cases: abstract dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2016. 39 p.

14. Ergashev E. R. Prosecutorial supervision in the Russian Federation: course of lectures. Yekaterinburg, 2016. 316 p.

15. Dikarev I. S. On the unification of the procedural form of sending criminal cases to court // Legality. 2017. № 8. Pp. 53–56.

16. Dikarev I. S. Powers of the prosecutor in a criminal case with an indictment // Russian investigator. 2020. № 10. Pp. 61–64.

17. Sychev D. A. On the content of the function of criminal prosecution in the activities of the prosecutor in pre-trial proceedings // Criminalist. 2022. № 4. Pp. 98–104.

Информация об авторе

Спирин Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Spirin Alexander V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 23.08.2024; одобрена после рецензирования 12.09.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 23.08.2024; approved after reviewing 12.09.2024; accepted for publication 18.09.2024

Научная статья

УДК 343.1

О значении специальных знаний при расследовании налоговых преступлений

Журавлева Наталья Михайловна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
zhuravlevanm2016@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается институт специальных знаний на основе исследования доктринальных и иных научных трудов, действующего законодательства, правоприменительной практики. Автор через рассмотрение понятия, форм и видов специальных знаний раскрывает их специфику и значение при расследовании налоговых преступлений.

Ключевые слова: специальные знания, заключение специалиста, допрос специалиста, судебная налоговая экспертиза

Для цитирования: Журавлева Н. М. О значении специальных знаний при расследовании налоговых преступлений // На страже закона. 2024. № 3. С. 13–16.

Original article

On the importance of special knowledge in the investigation of tax crimes

Zhuravleva Natalya M.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
zhuravlevanm2016@yandex.ru

Abstract. The article examines the institute of special knowledge based on the study of doctrinal and other scientific works, current legislation, and law enforcement practice. The author, through consideration of the concept, forms and types of special knowledge, reveals their specifics and significance in the investigation of tax crimes.

Keywords: special knowledge, expert opinion, interrogation of a specialist, forensic tax examination

For citation: Zhuravleva N. M. On the importance of special knowledge in the investigation of tax crimes // Law Enforcement. 2024. № 3. Pp. 13–16.

От сбалансированности бюджетной системы государства зависит не только его финансовая стабильность, но и экономическое развитие. Уголовно наказуемые противоправные деяния в сфере налогообложения представ-

ляют собой серьезную угрозу национальной безопасности страны, оказывая негативное влияние на нормальное функционирование финансовой системы государства в целом. Так,

© Журавлева Н.М., 2024

последствиями налоговых преступлений являются образование дефицита бюджета, связанное с потерей государственных (налоговых) доходов, изменение налоговой нагрузки для налогоплательщиков в сторону ее увеличения, возникновение угроз, препятствующих реализации экономических и социально значимых задач.

Преступные деяния в сфере налогообложения затрагивают законные интересы участников общественных отношений, регулируемых не только нормами налогового и уголовного права, но и других отраслей – бюджетного, гражданского, административного права, а также знаниями в области бухгалтерского учета и финансовой отчетности. Изложенное указывает на то, что установление в ходе расследования уголовного дела всех обстоятельств любого налогового преступления невозможно без использования специальных знаний. Под последними мы, соглашаясь со многими учеными, будем понимать знания, умения и навыки, полученные в ходе обучения в образовательных организациях, а также приобретенные и усовершенствованные непосредственно в процессе осуществления профессиональной деятельности [1, с. 6; 2, с. 38; 3, с. 27]. В первом случае речь идет о получении юридического образования либо прохождении курсов повышения квалификации. Во втором – наглядным примером будет являться составление обвинения и обвинительного заключения по уголовным делам о налоговых преступлениях.

Обращение к действующему уголовно-процессуальному законодательству, научным исследованиям и публикациям позволило определить следующие формы использования специальных знаний:

- собственные специальные знания лица, осуществляющего предварительное расследование;
- консультации специалистов соответствующей сферы знаний;
- участие специалистов в производстве следственных действий;
- исследование документов;
- производство судебных экспертиз [4, с. 110; 5, с. 164; 6, с. 41].

Раскрыть значение вышеперечисленных форм позволит анализ правоприменительной практики.

Так, собственные специальные знания используются следователями при расследовании каждого уголовного дела и касаются в основном процессуального порядка осуществления предварительного следствия и производства

конкретных следственных и процессуальных действий. Если же рассматривать ситуации, связанные с расследованием противоправных преступных деяний, совершенных в сфере налогообложения, то объем собственных специальных знаний лица, осуществляющего расследование, с каждым последующим делом будет увеличиваться. Иными словами, даже при условии индивидуальности каждого преступления следователь, используя ранее полученный опыт, будет иметь представление о том:

- какие следственные и процессуальные действия запланировать к производству;
- где, в каком объеме и какие документы, имеющие отношение к расследуемому уголовному делу, необходимо истребовать или изъять;
- на содержании каких документов акцентировать внимание при производстве осмотра;
- по результатам назначения и производства каких судебных экспертиз можно получить дополнительные доказательства по делу;
- каким образом юридически грамотно описать совершенное преступление (составить постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого);
- какие вопросы задать участникам уголовного дела в ходе допросов.

Если оценивать объективно, то без привлечения соответствующих специалистов в финансовой, налоговой и бухгалтерской деятельности установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию, при расследовании любого налогового преступления невозможно. Это обусловлено невозможностью погружения следователя в тонкости и специфику всех отраслей права и иных областей знаний. В таких случаях возникает необходимость получения специальных знаний посредством консультаций. Значение последних неодинаково, потому как они могут быть и устными, и письменными. По результатам первых следователь не получает каких-либо доказательств, но имеет место положительный эффект, заключающийся в том, что лицо, осуществляющее производство по делу, может правильно организовать расследование или скорректировать ранее составленный план следственных и иных процессуальных действий. Кроме того, в случае получения устной консультации эксперта предоставляется возможность определиться с видом судебной экспертизы, грамотно сформулировать вопросы на разрешение эксперту и предоставить в его распоряжение необходимый объем материалов. В противном случае, недостаточное количество материалов или не-

верно сформулированные вопросы приведут к тому, что результаты экспертизы будут содержать малоинформативные сведения (выводы) либо будет сделан вывод о том, что ответить на вопрос следователя не представляется возможным. Наиболее негативным последствием станет необходимость назначения повторной или дополнительной экспертиз, потому как это влечет за собой увеличение сроков производства предварительного расследования. Изложенное свидетельствует о существенном значении специальных знаний, полученных в ходе устных консультаций специалиста.

Не менее важны при расследовании налоговых преступлений письменные консультации специалистов. Они представляют собой письменное пояснение на обращение следователя, подготовленное без проведения исследования. Обращаем внимание, что на сегодняшний день этот вопрос остается спорным, потому как в ходе подготовки указанного документа специалист получает информацию о преступном событии, имеющихся в деле документах, а в отдельных случаях знакомится с заключением эксперта, после чего проанализировав ситуацию, опираясь на имеющиеся знания и практический опыт, отвечает на поставленные вопросы. Письменная консультация позволяет следователю принять ряд самостоятельных процессуальных решений, например:

- отказаться от назначения судебной экспертизы с учетом содержания консультации, а если имело место ознакомление с заключением эксперта ранее проведенной экспертизы, то определить необходимость назначения дополнительных или повторных судебных экспертиз либо иного вида обозначенного процессуального действия;

- определить, что сведения, содержащиеся в письменной консультации, имеют доказательственное значение и указать их при составлении обвинительного заключения;

- установить источник получения новых доказательств;

- дать оценку уже имеющимся в материалах уголовного дела доказательствам.

Производство следственных действий, таких как выемка, обыск, осмотр, допросы основных участников уголовного дела (потерпевшего, уголовно преследуемого лица, свидетелей) с участием специалистов, сведущих в области налогового и бухгалтерского учета, финансовой и предпринимательской деятельности, позволяют следователю:

- определить и изъять в полном объеме только необходимые предметы и документы,

имеющие отношение к расследуемому преступному событию;

- грамотно зафиксировать в протоколах доказательственную информацию, касающуюся содержания предметов и документов. Изложенное указывает, что привлечение специалиста к участию в следственных действиях позволяет достичь процессуальной экономии за счет исключения необоснованных временных затрат на производство осмотров «ненужных» предметов и документов или за счет усвоения им тонкостей и специфики грамотного описания доказательственной информации;

- изъять без уничтожения и повреждения информацию, содержащуюся на электронных носителях, и правильно расшифровать ее;

- установить связь между компьютерной информацией и отдельным конкретным человеком либо определить, кем могли быть оставлены электронные следы при совершении налогового преступления.

С учетом сложившейся правоприменительной практики расследования налоговых преступлений определено, что установить все необходимые обстоятельства, подлежащие доказыванию без назначения и производства судебных экспертиз, невозможно. Среди экономических экспертиз наиболее часто назначаются финансовые, налоговые и бухгалтерские. Определиться с видом и правильностью формулировок вопросов, как мы же писали ранее, позволяют устные консультации специалиста либо эксперта. Среди вопросов, поставленных на разрешение, наиболее часто встречается связанный с правильностью исчисления и полнотой уплаты какого-либо одного или нескольких налогов. Отсюда следует вывод, что эксперт, проводящий экспертизу, в обязательном порядке должен обладать специальными знаниями в сфере налогообложения. В случаях установления в ходе предварительного расследования налоговых преступлений фактов использования поддельных документов у следователя возникает юридическое основание для назначения соответствующей судебной почерковедческой или технической экспертизы, которые представляют возможность не только раскрыть обстоятельства, при которых были совершены преступные действия, но и нередко выявить причастность к ним конкретных лиц.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Расследование налоговых преступлений невозможно без использования специальных знаний. Более того, в первую очередь ими

должно обладает лицо, осуществляющее расследование по уголовному делу.

2. Формы использования специальных знаний определяются следователем, исходя из конкретной ситуации, складывающейся в рамках каждого уголовного дела.

3. Установить полный круг обстоятельств, подлежащих доказыванию без привлечения стороннего специалиста, обладающего специальными знаниями в сфере налогообложения, невозможно. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству производство судебной экспертизы правомочно осуществлять только процессуально независимое лицо.

Список источников

1. Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях. М.: Проспект, 2011. 256 с.

2. Латыпов В. С. Проблемы законодательного регулирования и практической реализации института использования специальных знаний в уголовном процессе России // Российский следователь. 2017. № 18. С. 36–39.

3. Трапезникова И. И. Специальные знания в уголовном процессе России: монография. Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2006. 132 с.

4. Воронов С. С., Голубятников С. П. Использование специальных знаний при выявлении и доказывании налоговых преступлений // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 108–113.

5. Ефимова В. В. Расследование современных схем налоговых преступлений: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2023. 363 с.

6. Голикова В. В. Судебная налоговая экспертиза в уголовном производстве // Вестник Университета им. О. Е. Кутафьева. 2019. № 5. С. 56–65.

7. Расулова Н. С. Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2022. 237 с.

References

1. Zinin A.M. Participation of a specialist in procedural actions. M.: Prospect, 2011. 256 p.

2. Latypov V. S. Problems of legislative regulation and practical implementation of the institute of the use of special knowledge in the criminal process of Russia // A Russian investigator. 2017. № 18. Pp. 36–39.

3. Trapeznikova I. I. Special knowledge in the criminal process of Russia: monograph.

Chelyabinsk: Publishing house of LLC "Polygraph-Master", 2006. 132 p.

4. Voronov S. S., Golubyatnikov S. P. The use of special knowledge in the identification and proof of tax crimes // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4(48). Pp. 108–113.

5. Efimova V. V. Investigation of modern tax crime schemes: diss. ... PhD in Law. M., 2023. 363 p.

6. Golikova V. V. Judicial tax expertise in criminal proceedings // Bulletin of the O. E. Kutafiev University. 2019. № 5. Pp. 56–65.

7. Rasulova N. S. Expert opinion as a means of proof in criminal proceedings: diss. ... PhD in Law. M., 2022. 237 p.

Информация об авторе

Журавлева Наталья Михайловна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Zhuravleva Natalya M. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 27.08.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 27.08.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 18.09.2024

Научная статья

УДК 343.1

К вопросу применения полиграфа в уголовно-процессуальной деятельности

Титов Павел Михайлович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,

titov1995@ya.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются позиции ученых-процессуалистов относительно эффективности использования детектора лжи (полиграфа) для раскрытия и расследования преступлений. Обзор отечественного и зарубежного опыта практической деятельности правоохранительных органов позволяет автору аргументировать использование полиграфа в деятельности подразделений органов внутренних дел и говорить о допустимости признания результатов психофизического исследования в качестве источника доказательств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, расследование преступлений, полиграф, детектор лжи, уголовное дело, доказательство, следственные действия, научные достижения

Для цитирования: Титов П.М. К вопросу применения полиграфа в уголовно-процессуальной деятельности // На страже закона. 2024. № 3. С. 17–22.

Original article

On the issue of the use of a polygraph in criminal procedural activities

Titov Pavel M.,

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,

titov1995@ya.ru

Abstract. This article examines the positions of process scientists regarding the effectiveness of using a lie detector (polygraph) for the detection and investigation of crimes. A review of domestic and foreign experience in the practical activities of law enforcement agencies allows the author to argue for the use of this hardware complex in the activities of departments of internal affairs bodies and to talk about the admissibility of recognizing the results of psychophysical research as a source of evidence.

Keywords: criminal proceedings, crime investigation, polygraph, lie detector, criminal case, evidence, investigative actions, scientific achievements

For citation: Titov P. M. On the issue of the use of a polygraph in criminal procedural activities // Law Enforcement. 2024. № 3. Pp. 17–22.

© Титов П.М., 2024

Сущность и глубинный смысл данной статьи точности передают слова Р. У. Эмерсона: «Величайшая почеть, которую можно оказать истине, – это руководствоваться ею» [1].

В настоящее время преступность переходит на новый информационный уровень, правонарушители все чаще используют новейшие методы и средства для совершения своих противоправных деяний. Эффективность борьбы с преступностью и работы по раскрытию и расследованию преступлений напрямую зависит от использования достижений науки и техники в деятельности правоохранительных органов.

Полиграф, наряду с другими техническими средствами, позволяет подслушать пульс, дыхание, ритм человека. Согласно ведомственному нормативному акту к полиграфу следует отнести приборы, используемые для фиксации психофизических параметров (реакций) человека посредством датчиков¹. Для правоохранительных органов важно установить то, что знает и скрывает непосредственный участник и исполнитель преступления.

Данная тема в разное время привлекала к себе внимание как отечественных, так и зарубежных специалистов в области уголовно-процессуального права: Г. А. Злобина [2], Я. В. Комиссарова [3], В. В. Семёнов [4], Ю. И. Холодный [5], С. Backster [6], А. Aabad, А. Т. Muhammad, А. Т. Forensic [7] и др.

Как указывал В. П. Божьев, «для раскрытия преступления, изобличения виновного, его справедливого наказания, а также для того, чтобы не допустить привлечения к уголовной ответственности невиновных, при производстве по каждому уголовному делу необходимо правильно выяснить все существенные для разрешения дела обстоятельства. Задачи уголовного судопроизводства могут считаться выполненными только тогда, когда органы предварительного расследования и суд установят истину по уголовному делу» [8, с. 151]. Безусловно, с данной позицией автора сложно не согласиться, так как установление истины по уголовному делу – важная задача предварительного расследования. Однако полностью постичь объективную истину по каждому совершенному противоправному деянию в рамках уголовного дела, в определенном проценте от всей массы таких дел не представляется возможным. Что, несомненно, является негативным фактором при разрешении уголовно-

правовых конфликтов.

В Российской Федерации существует достаточно четкая правовая база проведения проверок с использованием такого устройства, как полиграф. В первую очередь это Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»², Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) и ряд других нормативно-правовых актов. Именно требования ст. 21 Конституции РФ определили основной принцип проведения исследования с использованием полиграфа – добровольность процедуры. Если при этом обратиться к позиции Верховного Суда Российской Федерации, то согласно п. 13 Пленума от 19 декабря 2017 г. № 51 исследование с использованием полиграфа не признается доказательством³. Рассматривая правоприменительную практику, хотелось бы начать с Верховного Суда Российской Федерации, который в своем определении от 6 марта 2013 года № 32-О13-5 подтвердил обоснованность исключения заключения психофизиологической экспертизы из числа доказательств, указав, что выводы экспертов носят вероятностный характер⁴. В подтверждение приведем еще одну правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации – кассационное определение, где говорится, что данные, полученные посредством полиграфа, доказательствами не являются и судом не исследуются⁵. Изучив эти позиции высшего судебного органа, хотелось бы обратиться к мнению региональных судов. Так, Ставропольский краевой суд пояснил, что «уголовно-процессуальный закон не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголов-

² Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.08.2024).

³ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)». URL: <https://www.khabkrai.ru> (дата обращения: 14.08.2024).

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2013 г. по делу № 2-58/12. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.08.2024).

⁵ Кассационные определения Верховного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2013 г. № 5-АПУ13-49СП, от 8 октября 2013 г. № 2-АПУ13-13сп. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.08.2024).

¹ Приказ МВД РФ от 28 декабря 1994 г. № 437 «Инструкция о порядке использования полиграфа при опросе граждан». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9037963> (дата обращения: 14.08.2024).

ном процессе»¹.

Из анализа судебной практики можно увидеть, что суды отвергают доказательства, полученные с использованием полиграфа. При этом в качестве одной из причин выделяют отсутствие правовой регламентации полиграфа, а также доказательств полученных с его помощью, в уголовно-процессуальном законодательстве.

Среди ученых имеются и противоположенные позиции. Так, В. М. Харзинова указывает, что полиграф может быть использован в уголовном судопроизводстве: «Выводы специалиста полиграфолога могут и должны быть доказательствами» [9, с. 241].

Использование в процессуальной деятельности полиграфа, а также информации, полученной с его помощью, основывается на ст. 89 УПК РФ, на Инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан², а также на Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следствию, прокурору, суду³. Благодаря данной нормативно-правовой регламентации полученная информация может быть введена в материалы уголовного дела.

В соответствии с Инструкцией о порядке использования полиграфа опрос в отношении невластных участников уголовного судопроизводства, таких как потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый по уголовному делу, проводится с согласия дознавателя, следователя, суда или, соответственно, по их поручению, определению, направленному в специализированное оперативное подразделение субъекта Российской Федерации. В ряде случаев властные участники уголовного судопроизводства сами являются инициаторами проведения такого вида опроса. При необходимости должностное лицо, инициировавшее такой вид

опроса, может произвести следственное действие – допрос специалиста-полиграфолога в качестве свидетеля⁴.

Целью применения полиграфа является эффективное выполнение задач по борьбе с преступностью, возложенных на правоохранительные органы.

Как отмечал Ю. Ю. Коржов, «нежелание лица участвовать в опросе с использованием полиграфа должно насторожить членов следственной группы и являться основанием для более углубленного изучения личности отказавшегося, характера его отношений с потерпевшим» [10, с. 165]. Результаты применения полиграфа оформляются справкой специалиста-полиграфолога или справкой-меморандумом. Как указывает Ю. И. Холодный, «отказываться от полиграфа в уголовном судопроизводстве не стоит» [5, с. 43]. Практика свидетельствует о том, что при отказе лицо руководствуется такими причинами, как «страх перед незнакомой процедурой; искаженным представлением о полиграфе, детекторе лжи; опасением, что применяемая аппаратура обнажит скрытые факты» [11, с. 116].

Проверка с использованием полиграфа в отношении лиц до 14 лет не проводится. В отношении лиц, чей возраст составляет от 14 до 16 лет, данного рода проверку можно проводить, а результаты можно применять в уголовно-процессуальной деятельности только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, но исключительно с согласия их законных представителей и в строгом соответствии с предъявляемыми уголовно-процессуальным законодательством требованиям к допросу несовершеннолетних лиц.

Полиграф успешно применяется в Следственном комитете Российской Федерации, на что обращает внимание А. И. Бастрыкин [12], в Федеральной службе безопасности Российской Федерации и в Министерстве внутренних дел Российской Федерации при осуществлении оперативными подразделениями своей деятельности по расследованию преступлений. Полученные при этом результаты составляют ориентирующую информацию, которая позволяет выбрать верные методы и способы дальнейшего расследования уголовного дела. Например, в Иркутской области применение полиграфа помогло вычислить лицо, которое совершило убийство несовершеннолетнего

¹ Постановление суда кассационной инстанции № 44-у-588/2018 (извлечение) «Обзор материалов судебной практики за III квартал 2018 г. Ставропольского краевого суда». URL: <http://kraevoy.stv.sudrf.ru> (дата обращения: 15.08.2024).

² Приказ МВД РФ от 28 декабря 1994 г. № 437 «Инструкция о порядке использования полиграфа при опросе граждан». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9037963> (дата обращения: 14.08.2024).

³ Приказ ФСНП России, ФСБ России, МВД России, ФСО России, ФСП России, ГТК России, СВР России от 13 мая 1998 г. № 175/226/336/201/286/410/56 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следствию, прокурору, суду». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.08.2024).

⁴ Приказ МВД РФ от 28 декабря 1994 г. № 437 «Инструкция о порядке использования полиграфа при опросе граждан». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9037963> (дата обращения: 14.08.2024).

[13]. Практика использования данного устройства показывает, что результат грамотного применения и интерпретации показаний зачастую зависит от правильно поставленных вопросов.

Рассматривая применение полиграфа в уголовно-процессуальной деятельности зарубежных стран, хотелось бы остановиться на примере Соединенных Штатов Америки. В 1988 году в США после многолетних дебатов вступил в силу «Закон о защите служащих от полиграфа» (The Employee Polygraph Protection Act, EPPA), который строго определил порядок и условия использования полиграфа в государственных и коммерческих сферах. При проведении опроса с использованием полиграфа одним из основных принципов стало добровольное согласие испытуемого, так как результаты используются в доказывании и судом принимаются в качестве доказательств. Использование результатов полиграфа в суде допускается только при выполнении следующих пяти условий:

1) обвиняемый требует, чтобы его проверили на полиграфе;

2) суд присяжных считает, что по своему состоянию здоровья обвиняемый может быть обследован на полиграфе;

3) обвиняемый сознательно отказывается от прав, предоставляемых пятой поправкой Конституции США;

4) суд присяжных считает, что специалист, проводящий обследование с применением полиграфа, квалифицированный, а сама процедура применения полиграфа соответствует установленным требованиям;

5) показания обвиняемого лица должны быть даны до получения заключения о возможной проверке [14, с. 23].

На сегодняшний день в США с использованием полиграфа проводится более девяти миллионов проверок в год. Полиграф применяется для решения задач в интересах борьбы с преступностью все более активно. Его использование положительно отразилось на деятельности правоохранительных органов США [14, с. 24].

Однако результаты применения полиграфа в разных странах отличаются. Так, в Канаде сведения, получаемые с помощью полиграфа, используются только на этапе предварительного следствия, а в качестве доказательств в судебном заседании не используются. В Израиле результаты проверки на полиграфе также не являются доказательствами, а служат лишь материалами оперативно-розыскной деятельности. В Польше полиграф активно применяется для расследования уголовных дел и

оценки результатов деятельности следствия. В Японии результаты применения полиграфа используются в качестве доказательств в судах. В Швейцарии результаты применения полиграфа принимаются судами как один из видов доказательств, однако не используется в качестве единственного доказательства виновности человека, а только в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу. В Австрии и Германии установлен полный запрет на использование полиграфа при расследовании уголовных дел. В Испании, Италии и Франции исследования при помощи полиграфа не распространены, как и в Австралии, Индонезии и ряде других стран.

В Российской Федерации согласно действующему законодательству результаты опроса с применением полиграфа носят ориентирующий характер. При этом в последние годы интенсивными темпами развивается направление проведения специальных психофизиологических экспертиз. Здесь сказывается внедрение современной научной техники для проведения полиграфических исследований, а также рост количества тяжких преступлений, в том числе и в отношении несовершеннолетних, где промедление в раскрытии и расследовании преступления может повлечь более тяжкие последствия для потерпевшей стороны, а также уничтожение следов преступления. Ряд ученых указывают на возможность противодействия органам, осуществляющим расследование, а также неправомерного (преступного) влияния на участников уголовно-процессуальной деятельности [15, с. 194; 16, с. 549].

В наше время вряд ли найдутся те, кто испытывает сомнения в практической пользе применения полиграфа в рамках раскрытия и расследования уголовных дел. Однако мы разделяем позицию о недопустимости использования результатов, получаемых в ходе применения полиграфа, в доказывании по уголовным делам [16, с. 46; 17, с. 35]. Например, Р. С. Белкин высказывает мнение по поводу использования отдельных технически средств при расследовании преступлений (полиграф и одорологический метод) с важной оговоркой: сведения, полученные с их помощью, носят только ориентирующий характер, но доказательственного значения не имеют [18].

По мнению S. S. Togaibaeva, при расследовании преступлений, особенно характеризующихся обманом, злоупотреблением доверия, а также преступлений, связанных с разглашением тех или иных данных, применение полиграфа является основным способом получения

информации, поскольку другим путем установить ложь в показаниях затруднительно [19]. При этом результаты применения полиграфа не могут считаться абсолютно достоверными и должны подтверждаться всей совокупностью доказательств по уголовному делу. Обращаясь к позиции Министерства внутренних дел Российской Федерации по данному вопросу, можно выделить следующее: «информация, полученная в ходе специальной беседы (опроса) с использованием полиграфа, не может применяться в качестве доказательств, имеет вероятностный характер и только ориентирующее значение»¹.

Таким образом, исследование или, иными словами, специальная беседа (опрос) на полиграфе может быть осуществлено только с добровольного согласия лица, в отношении которого оно будет проводиться. Данное согласие должно быть закреплено в письменной форме. При отсутствии по какой-либо причине письменного согласия лицо не должно указывать основания такого отказа. Выводы о виновности данного лица при отказе от исследования на полиграфе делать не стоит. При первоначальном отказе повторное назначение такого исследования в отношении подозреваемого и (или) обвиняемого возможно только по просьбе такого лица. По нашему мнению, закрепление результатов применения полиграфа в материалах уголовного дела должно происходить путем приобщения справки-меморандума о проведении оперативно-розыскного мероприятия и приобщения справки полиграфолога. Другой способ закрепления возможен с помощью проведения такого следственного действия, как допрос специалиста-полиграфолога и допрос лица, в отношении которого осуществлялось применение полиграфа. При этом необходимо видеозапись исследования в качестве доказательства приобщить к уголовному делу путем проведения выемки у полиграфолога, а затем, фиксируя результаты в протоколе осмотра предметов и документов, осмотреть её. Еще один способ ввода результатов опроса в материалы уголовного дела – это приобщение справки-меморандума в порядке ст. 84 УПК РФ. Указанные предложения необходимо закрепить на законодательном уровне путем внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство с учетом мнений ученых-процессуалистов.

¹ Приказ МВД РФ от 28 декабря 1994 г. № 437 «Инструкция о порядке использования полиграфа при опросе граждан». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9037963> (дата обращения: 14.08.2024).

Библиографический список

1. Нравственная философия // Р.У. Эмерсона [Электронный ресурс] <https://www.livelib.ru/book/1000195847-nravstvennaya-filosofiya-emerson-ru> (дата обращения: 14.09.2024).
2. Злобин Г. А., Яни С. А. Проблема полиграфа // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды НИИ. Вып. 6. М., 1976. С. 122–136.
3. Комиссарова Я. В., Килессо Е. Г., Печер В. О. Криминалистика криминалисты опыт борьбы с преступностью: монография. М.: Юрлитинформ, 2005. 186 с.
4. Семенов В. А. Применение полиграфа при производстве судебной психофизиологической экспертизы // Уголовный процесс. 2009. № 5. С. 33–36.
5. Холодный Ю. И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений. М.: Мир безопасности. 2000. 348 с.
6. Backster C. Anticlimax Dampening concept. *Polygraph* (1974). № 3. Pp. 48–50.
7. Aabad A., Muhammad A. T., Forensic A. T. *Polygraph in Crime Investigation: A Case Study // Arab Journal of Forensic Sciences & Forensic Medicine* 2016. Volume 1 Issue (3). Pp. 340–345.
8. Уголовный процесс: учебник для вузов / Под ред. В. П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2000.
9. Харзина В. М. Использование полиграфа в уголовном процессе как доказательства // Образование и наука в современных условиях. 2016. № 2-2(7). С. 241–243.
10. Коржов Ю. Ю., Лубков Е. А., Попов В. А. Использование результатов опроса с применением полиграфа в уголовном процессе // *Юридическая мысль*. 2019. № 2-3 (112-113). С. 162–167.
11. Татарин В. Р. Детектор лжи // *Человек и закон*. 2008. № 8. С. 115–121.
12. Криминалистика: учебник. Том 1 / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. Москва: Экзамен, 2014. 559 с.
13. Детектор лжи помог раскрыть убийство девятилетней девочки в Иркутской области. URL: <http://babr24.com/?ADE=87454> (дата обращения: 15.09.2024).
14. Vaughan G.L. *United States v. Scheffer: Overview of the US Supreme Court. Polygraph*. 1998. 27 (1). 21–27 v.
15. Дельбиева М. А., Анненков С. И. Проверка на полиграфе как нетрадиционный метод допроса // *Новая наука: Опыт, традиции, инновации*. 2017. Т. 3. № 4. С. 193–195.

16. Ханов Т. А., Сихимбаев М. Р., Биржанов Б. К., Биржанов К. К. Геномная регистрация как универсальный идентификатор личности в системе мер предупреждения преступности: исследование и перспективы внедрения // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. С. 544–553.

17. Ничипоренко Т. Ю. Применение полиграфа в доказывании по уголовным делам: взгляд процессуалиста // Уголовный процесс. 2008. № 3. С. 46.

18. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики: в 3 томах. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. Юрид. лит., 1979. 837 с.

19. Семенов В. В. Использование результатов исследований с применением полиграфа в доказывании по уголовным делам // Российский следователь. 2020. № 10. С. 8–12.

References

1. Moral philosophy // R. W. Emerson [Electronic resource] <https://www.livelib.ru/book/1000195847-nravstvennaya-filosofiya-emerson-ru> (date of appeal: 09/14/2024).

2. Zlobin G. A., Yani S. A. The problem of the polygraph // Problems of improving Soviet legislation. The works of the Research Institute. Issue 6., Moscow, 1976. Pp. 122–136.

3. Komissarova Ya. V., Kileso E. G., Pechr V. O. Criminalistics criminalists experience in fighting crime: monograph. M.: Yurlitinform. 2005. 186 p.

4. Sementsov V. A. The use of a polygraph in the production of forensic psychophysiological examination // Criminal process. 2009. № 5. Pp. 33–36.

5. Kholodny Yu. I. The use of a polygraph in the prevention, disclosure and investigation of crimes. M.: The world of security. 2000. 348 p.

6. Backster C. Anticlimax Dampening concept. Polygraph (1974). № 3. Pp. 48–50.

7. Aabad A., Muhammad A. T., Forensic A. T. Polygraph in Crime Investigation: A Case Study // Arab Journal of Forensic Sciences & Forensic Medicine 2016. Volume 1 Issue (3). Pp. 340–345.

8. Criminal procedure: Textbook for universities / Edited by V. P. Bozhev. 2nd ed., ispr. and add. M.: Spark, 2000.

9. Kharzina V. M. The use of a polygraph in criminal proceedings as evidence // Education and science in modern conditions. 2016. № 2-2(7). Pp. 241–243.

10. Korzhov Yu. Yu., Lubkov E. A., Popov V. A. The use of survey results using a polygraph in criminal proceedings // Legal thought. 2019. № 2-3 (112-113). Pp. 162–167.

11. Tatarin V. R. Lie detector // Man and the law. 2008. № 8. Pp. 115–121.

12. Criminalistics: textbook. Volume 1 / under the general editorship of A. I. Bastrykin. M.: Exam, 2014. 559 p.

13. A lie detector helped solve the murder of a nine-year-old girl in the Irkutsk region. URL.: <http://babr24.com/?ADE=87454> (accessed: 09/15/2024).

14. Vaughan G. L. United States v. Scheffer: Overview of the US Supreme Court. Polygraph. 1998. 27 (1). 21–27 v.

15. Delbieva M. A., Annenkov S. I. Polygraph test as an unconventional method of interrogation // New science: Experience, traditions, innovations. 2017. Vol. 3. № 4. Pp. 193–195.

16. Khanov T. A., Sikhimbayev M. R., Birzhanov B. K., Birzhanov K. K. Genomic registration as a universal identity identifier in the system of crime prevention measures: research and prospects for implementation // All-Russian Journal of Criminology. 2016. Vol. 10. № 3. Pp. 544–553.

17. Nichiporenko T. Yu. The use of a polygraph in proving criminal cases: a procedural view // Criminal process. 2008. № 3. Pp. 46.

18. Belkin R. S. The course of Soviet criminalistics: in 3 volumes. Vol. 3. Forensic tools, techniques and recommendations. M.: Yurid. lit., 1979. 837 p.

19. Semenov V. V. The use of research results using a polygraph in proving criminal cases // Russian investigator. 2020. № 10. Pp. 8–12.

Информация об авторе

Титов Павел Михайлович – кандидат юридических наук

Information about the author

Titov Pavel M. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 27.08.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 27.08.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 18.09.2024

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 343.98

Особенности назначения и производства судебной экспертизы в государственных и негосударственных экспертных учреждениях

Елфимов Павел Васильевич
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
elfimovpv@mail.ru

Аннотация. Судебная экспертиза является неотъемлемой частью уголовного судопроизводства, представляющего собой полное всестороннее рассмотрение дел, оценку и изучение доказательств для назначения наказания справедливого совершенному деянию, основанного на принципе законности. Судебная экспертиза как комплексный правовой институт прочно вошла в практику уголовного судопроизводства Российской Федерации. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве Российской Федерации. При этом требования, предъявляемые к государственным судебным экспертным учреждениям и экспертам, не распространяются на негосударственные учреждения, что создает правовой вакуум и неопределенность.

Ключевые слова: судебная экспертиза, государственные и негосударственные экспертные учреждения, специальные знания, преступление.

Для цитирования: Елфимов П. В. Особенности назначения и производства судебной экспертизы в государственных и негосударственных экспертных учреждениях // На страже закона. 2024. № 3. С. 23–30.

Original article

© Елфимов П.В., 2024

Features of the appointment and production of forensic examination in state and non-state expert institutions

Elfimov Pavel V.

**Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
elfimovpv@mail.ru**

Abstract. Forensic examination is an integral part of criminal proceedings, which is a full comprehensive examination of cases, assessment and examination of evidence for the imposition of punishment for a just committed act based on the principle of legality. Forensic examination as a comprehensive legal institution has become firmly established in the practice of criminal proceedings in the Russian Federation. Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation» defines the legal basis, principles of organization and main directions of state forensic expert activity in civil, administrative and criminal proceedings of the Russian Federation. At the same time, the requirements imposed on state judicial expert institutions and experts do not apply to non-governmental institutions, which creates a legal vacuum and uncertainty.

Keywords: forensic examination, state and non-state expert institutions, special knowledge, crime

For citation: Elfimov P. V. Features of the appointment and production of forensic examination in state and non-state expert institutions // Law Enforcement. 2024. № 3. Pp. 23–30.

Образование и становление института судебной экспертизы явились результатом дифференциации и интеграции научного знания как одного из проявлений влияния научно-технического прогресса на судопроизводство. Отличительными признаками судебной экспертизы от других форм использования специальных знаний при расследовании преступлений являются: особая установленная процессуальным законом форма; прописанный в гл. 27 УПК РФ порядок производства; значимость устанавливаемых для дела обстоятельств; приобщение к расследуемому делу в качестве доказательств; проведение компетентным специалистом посредством применения специальных научных методов и техники, требующих научной интерпретации результатов; оформление результатов в форме экспертного заключения, строго регламентированного УПК РФ.

Правовую основу экспертной деятельности, как и любой иной, совершаемой в рамках правового поля российского государства, составляют Конституция РФ, ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ, КоАП РФ, законодательство в сфере охраны здоровья, иные федеральные законы, правовые акты Президента РФ и Правительства РФ,

а также исполнительных органов власти. Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ о ГСЭД) установлены основные задачи и принципы государственной судебно-экспертной деятельности, определены требования к государственным судебно-экспертным учреждениям, экспертам, их права и обязанности, заданы стандарты выполнения и содержание заключения.

Действительно, организация и производство экспертиз именно в государственных судебно-экспертных учреждениях для правоприменителя обладают рядом преимуществ:

1) обеспеченность данных учреждений специализированным оборудованием, позволяющим выполнять экспертизы в соответствии с установленными методиками на высоком научном уровне;

2) возможность проведения сложных многообъектных, комплексных и комиссионных

¹ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 73. Ст. 2291.

экспертиз, требующих участия экспертов различных специальностей и специализаций;

3) наличие в данных учреждениях методических разработок по вопросам проведения экспертиз, строгое следование научно обоснованным и официально установленным методикам;

4) выполнение экспертиз в соответствии с требованиями к структуре и содержанию заключения, которые установлены законодательством;

5) контроль качества проведения экспертиз;

6) штат подготовленных сотрудников, имеющих специализированное образование, подтвержденные свидетельства на право самостоятельного производства экспертных исследований соответствующего вида, а также организованная подготовка и переподготовка экспертных кадров;

7) отсутствие для правоприменителя необходимости самостоятельно осуществлять поиск эксперта необходимой специализации и квалификации, поручать ему производство экспертизы, предупреждать об ответственности, предусмотренной законом за дачу заведомо ложного заключения, поскольку в государственном судебно-экспертном учреждении указанные функции выполняет руководитель.

Судебно-экспертное учреждение – это государственное судебно-экспертное или иное учреждение, которому поручено производство судебной экспертизы в порядке, установленном УПК РФ¹. Согласно ст. 11 ФЗ о ГСЭД они являются специализированными учреждениями уполномоченных федеральных государственных органов и производят экспертизу в соответствии с профилем.

Судебно-экспертные учреждения подразделяются на два вида: государственные и негосударственные. В соответствии со ст. 11 ФЗ о ГСЭД «Государственными судебно-экспертными учреждениями являются специализированные учреждения уполномоченных федеральных государственных органов, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, созданные для организации и производства судебной экспертизы». Указанный нормативный правовой акт разрешает производство судебной экспертизы в негосударственных экспертных учреждениях строго в

соответствии со всеми нормативными правовыми актами (закреплено в ст. 41).

Само понятие «негосударственные экспертные учреждения» сформулировано в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»². Под ними следует понимать некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях»³, осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами.

Порядок подачи документов, сроки устранения замечаний, размер оплаты регулируются в государственных экспертных учреждениях приказами и постановлениями исполнительной власти, которые на негосударственные экспертные учреждения не распространяются, в них исследования производятся на договорной основе.

В негосударственных экспертных учреждениях, в отличие от государственных, не существует перечня выполняемых судебных экспертиз, при наличии возможности там могут быть выполнены любые экспертизы [1, с. 53].

Также на основании ч. 2. ст. 195 УПК РФ судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями.

На основании ст. 41 ФЗ о ГСЭД государственные и негосударственные эксперты наделены равными правами и обязанностями. Решаемые вопросы, поставленные перед ними, не должны выходить за рамки их специальных знаний. И там, и там производство судебной экспертизы осуществляется экспертом, которым в соответствии со ст. 57 УПК РФ является лицо, обладающее специальными знаниями в определенной сфере деятельности и назначенное в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Сотрудники государственных и негосударственных учреждений получают процессуальный правовой статус эксперта

¹ Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 52 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.08.2024)

³ Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.08.2024).

только на основании постановления о назначении судебной экспертизы. Лица, занимающие экспертную должность без данного основания, процессуального статуса эксперта не имеют.

Существенным отличием между экспертами государственных и негосударственных учреждений является наличие самих требований к ним. В соответствии со ст. 12 и 13 ФЗ о ГСЭД государственным экспертом может быть только аттестованный работник, имеющий высшее образование, получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности, имеющий гражданство Российской Федерации. При работе в негосударственных судебно-экспертных учреждениях таких требований к сотрудникам, занимающим экспертные должности, в законодательстве не содержится. Важно, чтобы они обладали специальными знаниями в определенной сфере деятельности [2, с. 12].

На основании ст. 41 ФЗ о ГСЭД государственные и негосударственные эксперты наделены равными правами и обязанностями. Решаемые вопросы, поставленные перед ними, не могут выходить за рамки их специальных знаний.

Кроме того, государственная судебная экспертиза назначается по территориальности, негосударственная не зависит от территориальных границ.

Организация и производство экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях осуществляется в соответствии с требованиями гл. III ФЗ о ГСЭД, а также в соответствии с положениями ведомственных приказов, изданных уполномоченными федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации. Данные приказы в большинстве случаев конкретизируют положения федерального закона, поскольку издаются в строгом соответствии с ним. Они же определяют направления деятельности экспертного учреждения, учитывая специфику функций органа исполнительной власти, при котором созданы данные экспертные учреждения. Так, например, Приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»¹ утверждена Инструкция по организации производства су-

дебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, согласно которой экспертно-криминалистические подразделения МВД России осуществляют функции, имеют права и несут обязанности как государственные судебно-экспертные учреждения, и действуют в строгом соответствии с законодательством Российской Федерации.

Законом установлено, что единственным основанием для проведения экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении является постановление уполномоченного лица (определение суда) о назначении экспертизы. При этом орган, назначивший экспертизу, должен сформулировать вопросы, ответы на которые по результатам экспертизы он желает получить, и предоставить в экспертное учреждение в установленном законом порядке объекты для исследования, а в случае необходимости и образцы для сравнительного исследования.

Важно, что в государственных судебно-экспертных учреждениях постановление о назначении экспертизы и все приложения к нему передаются не самому эксперту, а руководителю данного учреждения (начальнику, директору). При этом правоприменитель не лишен права выбора конкретного эксперта, которому он хотел бы поручить проведение экспертизы [3, с. 17].

После поступления постановления о назначении экспертизы и материалов к руководителю экспертного учреждения, он проверяет, надлежащим ли образом оформлены документы, являющиеся основанием для проведения экспертного исследования, являются ли вопросы, изложенные в постановлении, предметом вида экспертного исследования, выполняемого учреждением, имеется ли в экспертном учреждении оборудование, необходимое для проведения такого экспертного исследования. Если в учреждении отсутствует эксперт, специализация которого позволяет выполнить порученное исследование, либо отсутствует необходимая для этого материально-техническая база, то руководитель вправе вернуть постановление и приложенные к нему материалы лицу, назначившему исследование, мотивировав принятое решение.

Если все требования, предъявляемые к процессуальному оформлению назначения экспертизы, соблюдены, то руководитель учреждения поручает производство экспертизы конкретному эксперту, при этом устанавливает ему срок ее выполнения в рамках, предус-

¹ Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.08.2024).

мотренных законодательством. В положениях Приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 20 декабря 2002 г. № 346 «Об утверждении Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации»¹ указано, что руководитель экспертного учреждения определяет срок выполнения экспертизы в пределах тридцати суток со дня регистрации поступивших материалов о назначении экспертизы в экспертное учреждение.

Для экспертно-криминалистических подразделений МВД России предусмотрен срок, как правило, не превышающий пятнадцати суток. Он может быть продлен с учетом сложности назначенной экспертизы, количества объектов экспертного исследования и очередности выполнения конкретного вида экспертиз.

После принятия экспертизы к производству все материалы передаются эксперту или комиссии экспертов, которые обязаны изучить постановление, проверить соответствие описания объектов в постановлении с фактически поступившими, решить вопрос о достаточности для проведения исследования представленных материалов и возможности дать ответы на поставленные перед ним субъектом назначения экспертизы вопросы. Если нет оснований для приостановления производства экспертизы либо для возвращения материалов субъекту назначения, эксперт (комиссия экспертов) приступает к производству экспертизы, по результатам исполнения которой составляется заключение.

Законодательство позволяет поручить проведение экспертизы не только государственному, но и негосударственному судебно-экспертному учреждению либо конкретному эксперту, независимо от его принадлежности к конкретному учреждению. Для субъекта назначения экспертизы намного удобнее и предпочтительнее поручить проведение экспертизы государственному судебно-экспертному учреждению, где уже руководитель определит эксперта с учетом вида экспертизы и квалификации сотрудника или создаст комиссию

экспертов, если для ответа на вопросы экспертизы требуется применение специальных знаний из различных областей науки, техники или ремесла, избавив тем самым субъект от необходимости установления квалификации эксперта. Популярность государственных судебно-экспертных учреждений, а также их ориентированность на выполнение наиболее востребованных субъектами назначения экспертиз видов исследования ведет к тому, что эксперты на определенном «непопулярном» направлении малочисленны, а при его популяризации сильно загружены, соответственно, сроки выполнения заданий растут, так как экспертизы выполняются в порядке очередности их поступления [4, с. 117].

На сегодняшний день не существует определенных требований к организационной форме деятельности таких учреждений. В частности, она не подлежит обязательной сертификации либо лицензированию, в связи с чем часто вопрос об уровне их квалификации остается открытым. Если государственные эксперты, например, эксперты экспертно-криминалистических подразделений в МВД России, обязаны раз в пять лет подтверждать уровень своей компетентности и квалификации, представляя на рецензирование экспертно-квалификационной комиссии заключения экспертиз по конкретной специальности, то у негосударственных экспертов такая обязанность отсутствует. Им достаточно обретенного единожды права на самостоятельное производство определенного вида экспертизы, которое может быть получено несколько десятков лет назад, и за это время эксперт ни разу не повышал свою квалификацию по данной специальности, не актуализировал свои знания с учетом современных методик производства экспертиз, которые постоянно меняются в связи с развитием науки и техники.

Негосударственные экспертные учреждения осуществляют свою деятельность на возмездной основе. Государственные экспертные учреждения производят экспертизы по постановлениям следователя (дознателя) или определения суда в основном бесплатно на основании межведомственных соглашений.

Государственные судебно-экспертные учреждения имеют в своем штате широкий круг специалистов в области проведения наиболее популярных и востребованных видов экспертиз, таких как: дактилоскопическая, трасологическая, баллистическая, почерковедческая и т. п. Для проведения, к примеру, автороведческой экспертизы, процент выполнения ко-

¹ Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 декабря 2002 г. № 346 «Об утверждении Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.08.2024).

торой очень невелик, держать в штате узкого специалиста нецелесообразно.

В соответствии со ст. 14 ФЗ о ГСЭД постановление о назначении судебной экспертизы в государственном экспертном учреждении получает его руководитель и осуществляет последующее назначение на данные исследования компетентного эксперта. Также в его обязанности входит контроль соблюдения сроков экспертизы, сохранение конфиденциальности исследования и его результатов, обеспечение всем необходимым для исследовательских работ, также он следит за выполнением мер безопасности при проведении работ и за сохранностью предоставленного для исследования материала. Кроме того, в государственном судебно-экспертном учреждении подписку о предупреждении уголовной ответственности, за дачу заведомо ложного заключения в письменном виде также берет руководитель, в негосударственных учреждениях эта ответственность возложена на орган дознания или суд. Права и обязанности руководителя негосударственного экспертного учреждения федеральным законом не установлены, но они предусмотрены в заключенном с ним соглашении.

После вынесения решения о назначении судебной экспертизы, следователь или дознаватель в соответствии со ст. 198 УПК РФ знакомят подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и их защитников с данным постановлением и разъясняют им права. После чего согласно ч. 3 ст. 195 УПК РФ составляется и подписывается протокол. Следователь или дознаватель после составления постановления о назначении судебной экспертизы и ознакомления с ним лиц, указанных в уголовно-процессуальном законе, направляет его и все необходимые предметы исследования руководителю экспертного учреждения, который затем передает их выбранному в соответствии с профилем эксперту. При этом согласно ст. 57 УПК РФ в обязательном порядке под подписку предупреждает того об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 307 УК РФ [6, с. 266]. Данное процессуальное действие носит обязательный характер, и если эксперт не был предупрежден, то его заключение будет незаконным [7, с. 12].

На основании ч. 3 ст. 199 УПК РФ данное постановление может быть возвращено, если в исследовательском учреждении отсутствует эксперт нужной для проведения соответствующего вида судебной экспертизы специальности, с обязательным указанием мотивов возврата.

В соответствии со ст. 197 УПК РФ следователь имеет право присутствовать при производстве судебной экспертизы, что должно быть отражено в заключении эксперта. Во время проведения исследовательских действий следователь вправе задавать вопросы или давать различные пояснения, связанные с предметом назначенной экспертизы, не вмешиваясь при этом в ход исследования [5, с. 87]. Присутствие следователя недопустимо при составлении экспертом заключения, а также при производстве судебной экспертизы комиссией на этапах совещаний и формулирования выводов (ст. 24 ФЗ о ГСЭД).

При производстве экспертизы вне экспертного учреждения следователь обязан лично вручить постановление и необходимые материалы эксперту, а также разъяснить ему права и ответственность, предусмотренные ст. 57 УПК РФ. Последний вправе делать какие-либо заявления или возбуждать ходатайство о предоставлении ему дополнительных материалов. Следователь в свою очередь обязан составить протокол с соблюдением требований ст. 166 и 167 УПК РФ.

При расследовании преступлений различного характера часто назначаются сравнительные исследования, если возникает необходимость для сопоставления следов с места преступления, почерка и других индивидуальных элементов жизнедеятельности человека. Также следователь и дознаватель вправе при необходимости назначать производство дополнительной, повторной, комиссионной и комплексной экспертиз [8, с. 145].

Производство любой судебной экспертизы заканчивается заключением эксперта, которое представляет собой процессуальный документ, где в письменной форме изложены проводимые исследовательские работы и сделаны выводы по представленным вопросам. Форма и содержание данного документа прописана в ст. 204 УПК РФ, а также ст. 25 ФЗ о ГСЭД. Эксперт подписывает заключение от своего имени и несет уголовную ответственность за умышленные действия, препятствующие выяснению истины. Зачастую с помощью данного процессуального документа при расследовании уголовных дел представляется возможным установить многие обстоятельства, что в дальнейшем положительным образом сказывается на проведении всех последующих следственных действий [9, с. 20]. Заключение эксперта в уголовном процессе рассматривается в качестве доказательства (ст. 74 УПК РФ). В соответствии с этим сле-

дователь или дознаватель должны провести оценку данного доказательства на предмет его относимости, допустимости и достоверности (ст. 88 УПК РФ) [10, с. 112].

Любой эксперт, независимо от формы учреждения, дает заключение от своего имени и имеет право подписать общее заключение или только ту его часть, где описаны детали и выводы его собственных исследований. Во время оценки заключения эксперта особое внимание уделяется его компетентности, правильному подбору им современных методов исследования и логичности его умозаключений. Предъявление заключения эксперта потерпевшему, его представителю, подозреваемому, обвиняемому, защитнику производится следователем в обязательном порядке с разъяснением их прав на заявление ходатайства о назначении повторной или дополнительной экспертизы (прописано в ст. 206 УПК РФ).

Процесс назначения и производства повторной и дополнительной экспертизы проводится также на основании ст. 195–207 УПК РФ. Процессуальным основанием является постановление уполномоченных должностных лиц, где во вводной части обязательно указываются мотивы ее назначения. Вместе с предметами исследований для повторных и дополнительных экспертиз предоставляются и ранее вынесенные по ним заключения.

«Некорректно называть судебные экспертизы, производимые в негосударственных экспертных учреждениях, независимыми, а частных экспертов – независимыми экспертами, поскольку отсюда следует, что в государственных экспертных учреждениях выполняются "зависимые" экспертизы. Как нам представляется, выход не в обеспечении абсолютной независимости эксперта, которая, как и любая абстракция, в условиях реального социума недостижима, хотя к ней, конечно, надо стремиться, а в возможности проведения альтернативных судебных экспертиз, в конкуренции государственных и негосударственных экспертных учреждений. Независимость судебного эксперта обуславливается, кроме того, одинаковым уровнем требований к профессиональной подготовке государственных и негосударственных экспертов. Реальная независимость эксперта возможна только при условии единых квалификационных требований к государственным судебным экспертам всех ведомств, судебным экспертам негосударственных экспертных учреждений и частным экспертам» [11, с. 536]. Это возможно при законодательном закреплении условий осуществления негосударственной

судебно-экспертной деятельности, что предусматривает под собой создание независимых вневедомственных экспертно-квалификационных комиссий, единых для государственных и негосударственных судебных экспертов.

Библиографический список

1. Виноградова О. П. Информационное значение экспертиз при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник научных трудов участников Международной научно-практической конференции. 2018. С. 53–59.
2. Аминев Ф. Г. О некоторых проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Российский судья. 2016. № 6. С. 12–16.
3. Аверьянова Т. В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебных экспертиз. М., 1994. 123 с.
4. Колдаев В. М. Из истории практической криминалистики в России: применение научных методов работы в розыске и расследовании преступлений: факты, документы, комментарии. М.: Лекс Эст, 2005. 376 с.
5. Андроник Н. А., Виноградова О. П. Особенности элементного состава криминалистической характеристики авиационных происшествий // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 87–91.
6. Галяшина Е. И., Никишин В. Д. К вопросу о концепции юридико-лингвистического обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в цифровой среде // Становление личности в современном обществе: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (Юргинский технологический институт). Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2018. С. 266–269.
7. Чеснокова Е. В. Концептуальные основы стандартизации в судебно-экспертной деятельности: дисс. ... док. юрид. наук. М., 2022.
8. Виноградова О. П. Информационное значение экспертиз при расследовании хищений антиквариата // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 1 (38). С. 145–147.
9. Бердникова О. П., Виноградова О. П. Расследование преступлений в сфере экономики: проблемные аспекты назначения судебных

экспертиз // Правоохранительные органы: теория и практика. 2020. № 1 (38). С. 20–24.

10. Майлис Н. П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании: спецкурс: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 263 с.

11. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА, 2020. 576 с.

References

1. Vinogradova O. P. The informational significance of examinations in the investigation of crimes provided for in Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation // *Criminalistics: topical issues of theory and practice: a collection of scientific papers of participants of the International Scientific and practical Conference*. 2018. Pp. 53–59.

2. Aminev F. G. On some problems of forensic expertise in the Russian Federation // *A Russian judge*. 2016. № 6. Pp. 12–16.

3. Averyanova T. V. Integration and differentiation of scientific knowledge as sources and foundations of new methods of forensic examinations. M., 1994. 123 p.

4. Koldaev V. M. From the history of practical criminalistics in Russia: the application of scientific methods of work in the search and investigation of crimes: facts, documents, comments. M.: Lex Est, 2005. 376 p.

5. Andronik N. A., Vinogradova O. P. Features of the elemental composition of the criminalistic characteristics of aviation accidents // *Actual problems of criminalistics and forensic examination: materials of the International Scientific and Practical Conference*. 2019. Pp. 87–91.

6. Galyashina E. I., Nikishin V. D. On the issue of the concept of legal and linguistic provision of information (ideological) security in the digital environment // *Formation of personality in modern society: a collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference (Yurginsky Institute of Technology)*. Tomsk: Publishing House of Tomsk Polytechnic University, 2018. Pp. 266–269.

7. Chesnokova E. V. Conceptual foundations of standardization in forensic expertise: dissertation ... doc. Jurid. M., 2022.

8. Vinogradova O. P. The informational value of expertise in the investigation of theft of antiques // *Bulletin of the Barnaul Law Institute of the*

Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1 (38). Pp. 145–147.

9. Berdnikova O. P., Vinogradova O. P. Investigation of crimes in the field of economics: problematic aspects of the appointment of forensic examinations // *Law enforcement agencies: theory and practice*. 2020. № 1 (38). Pp. 20–24.

10. Mailis N. P. Theory and practice of forensic examination in evidence: special course: textbook. M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2015. 263 p.

11. Rossinskaya E. R. Judicial expertise in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph. 4th ed., reprint. and additional M.: Norm: INFRA, 2020. 576 p.

Информация об авторе

Елфимов Павел Васильевич – доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Академии медико-технических наук, заслуженный врач Российской Федерации

Information about the author

Elfimov Pavel V. – Doctor of Medical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Medical and Technical Sciences, Honored Doctor of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 18.09.2024

Научная статья

УДК 343.98

Тактические особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования по делам о хищениях денежных средств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Мосин Иван Вадимович¹, Воробьева Дарья Владимировна²

^{1,2} Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

¹ ivan-m-v@mail.ru

² dasha_vorobyeva_13@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями организации и производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования. Проанализированы отдельные проблемные моменты, связанные с получением информации от операторов сотовой связи и банковских организаций на этапе доследственной проверки, а также подробно раскрывается тактика производства осмотра места происшествия.

Ключевые слова: хищение денежных средств, информационно-телекоммуникационные технологии, запросы, оперативно-розыскные мероприятия, осмотр места происшествия, осмотр телефона

Для цитирования: Мосин И. В., Воробьева Д. В. Тактические особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования по делам о хищениях денежных средств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // На страже закона. 2024. № 3. С. 31–36.

Original article

Tactical features of the production of individual investigative actions at the initial stage of the investigation in cases of embezzlement of funds committed using information and telecommunication technologies

Mosin Ivan V.¹, Vorobyova Darya V.²

^{1,2} Ural Law Institute of the Ministry of Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia

¹ ivan-m-v@mail.ru

² dasha_vorobyeva_13@mail.ru

Abstract. The article discusses issues related to the specifics of the organization and production of individual investigative actions at the initial stage of the investigation. Some

© Мосин И.В., Воробьева Д.В., 2024

problematic issues related to obtaining information from mobile operators and banking organizations at the stage of pre-investigation verification are analyzed, as well as the tactics of conducting an inspection of the scene of the incident are disclosed in detail.

Keywords: embezzlement of funds, information and telecommunication technologies, inquiries, operational search measures, inspection of the scene, inspection of the phone

For citation: Mosin I. V., Vorobyova D. V. Tactical features of the production of individual investigative actions at the initial stage of the investigation in cases of embezzlement of funds committed using information and telecommunication technologies // Law Enforcement. 2024. № 3. Pp. 31–36.

Раскрытие и расследование хищений денежных средств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), является одним из приоритетных направлений деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Результативность работы правоохранительных органов в данном направлении прямо зависит от знаний субъекта расследования, теоретических положений и разработанных на их основе методических рекомендаций по обнаружению и фиксации следов преступления, организации производства отдельных следственных действий в целях получения доказательств о причастности виновного к хищению денежных средств.

Незаконное получение материального дохода преступным путем всегда является целью совершения преступлений в сфере экономики. В связи с развитием современных информационных технологий появляются новые способы хищений чужого имущества, в том числе и денежных средств.

Анализ следственной практики по расследованию уголовных дел о хищениях денежных средств, совершенных с использованием ИТТ, основанный на изучении материалов уголовных дел, результатах расследования по ним, а также на обстоятельствах возвращения уголовных дел для дополнительного расследования, позволяет обратить внимание на низкий уровень теоретических знаний у следователей об организации и тактике расследования преступлений исследуемой категории, а также недостаточную сформированность устойчивых навыков работы со следами преступления, получения существенно значимой информации о преступлении при производстве отдельных следственных действий, позволяющей сформировать доказательственную базу причастности виновного к содеянному.

В последние десятилетия при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере экономики следователи сталкиваются со сложностью установления всех обстоятельств совершенного преступления, а также способов и «схем» хищения денежных средств с использованием ИТТ. Вследствие этого возникает необходимость совершенствования специальных знаний в области информационных технологий, качественного планирования расследования и своевременного производства следственных действий.

Актуальность данной темы обусловлена стремительным развитием информационных технологий, которые, с одной стороны, положительно влияют на качество жизни, с другой – способствуют появлению новых видов преступлений. Также актуальность темы подтверждается статистическими данными о преступлениях, совершенных в сфере информационных технологий с января по декабрь 2023 г.: всего таких преступлений зарегистрировано 676 951, что на 29,7 % больше, чем за 2022 г. Раскрыто подобных преступлений на 21 % больше, чем в предыдущем году¹. Их профилактика по-прежнему остается одной из важнейших задач органов внутренних дел.

Анализ следственной практики показывает, что данная категория дел остается самой труднораскрываемой; в половине случаев предварительное следствие по ним приостанавливается на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и в последующем указанные уголовные дела прекращаются за истечением сроков давности.

Соответственно, в целях повышения качества расследования киберпреступлений стоит

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 г. // Главный информационно-аналитический центр МВД России. URL: <https://мвд.рф>

острая необходимость в повышении профессиональных навыков сотрудников следственных подразделений органов внутренних дел по методике раскрытия данных видов хищений и тактике производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе раскрытия и расследования преступлений.

Стоит выделить основные проблемные моменты, которые встречаются в практической деятельности следственных подразделений.

Одной из наиболее частых проблем является составление запросов и получение на них ответов. В соответствии со ст. 144 УПК РФ сроки проверки сообщения о преступлении составляют 3, 10, 30 суток. Чаще всего сотрудники не успевают в течение 3 суток установить все необходимые обстоятельства для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела и продлевают сроки проверки сообщения о преступлении в соответствии с ч. 3 ст. 144 УПК РФ до 10 суток, обосновывая это необходимостью получения ответов на направленные запросы и проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

С проблемой неполучения ответов на запросы или получения их в срок свыше 30 суток на сегодняшний день в основном сталкиваются территориальные отделы МВД России, находящиеся в малонаселенных городах, селах, поселках городского типа. В таких случаях все запросы направляются в письменном виде по почте в те города и областные центры, где расположены филиалы и головные офисы операторов сотовой связи и банковских организаций. Стоит отметить, что следственные подразделения Главных управлений МВД России с такой проблемой не сталкиваются ввиду того, что на сегодняшний день между ними и рядом банков, а также операторов сотовой связи заключены соглашения на дистанционное обслуживание и предоставление ответов на запросы в течение от 2 до 7 суток.

Также причиной неполучения ответов на запросы может быть их некорректное составление самим следователем. Такое бывает, когда следователи запрашивают у операторов сотовой связи сведения, которые могут быть предоставлены только по решению суда (например, предоставление детализации телефонных звонков), или запрашивают информацию не в полном объеме, забывая запросить сведения об адресе, где был открыт счет, записи с камер видеонаблюдения с банкомата, где осуществлялось обналичивание денежных средств злоумышленником. По невнимательности ука-

зывают ошибочный номер телефона или номер банковского счета, направляют запросы, не установив оператора сотовой связи, получая ответ по номеру абонента или банковскому счету, не относящимся к оператору сотовой связи или банку, что впоследствии приводит к утере доказательств.

Кроме того, запросы направляются руководителям социальных сетей и мессенджеров (ВКонтакте, Одноклассники, Telegram, WhatsApp), а также руководителям платформ по продаже имущества (Авито, Циан, Юла и т. д.). Ответы на такие запросы содержат персональные данные потенциальных злоумышленников, IP-адреса выхода в сеть Интернет, страницы, которые они просматривают (например, объявления о продаже), также в них указываются пользователи, которые просматривали объявления о продаже (что помогает в случае совершения мошеннических действий с помощью мессенджера WhatsApp, с последующим списанием денежных средств с банковских карт потерпевшего, перешедшего по ссылке).

Выход из данной ситуации видится в налаживании взаимодействия путем электронного документооборота с операторами связи, кредитными учреждениями, руководством платформ для продажи имущества, социальных сетей с целью получения необходимой информации в кратчайшие сроки.

Вторая проблема связана с принятием решения по поступившему сообщению о преступлении, а именно, с определением территориальной подследственности. Чаще всего эта проблема встречается при расследовании многоэпизодных уголовных дел, где потерпевшими по делу проходят лица, проживающие в разных регионах. Территориальная подследственность будет зависеть от места совершения преступления.

В данном случае необходимо обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», где в абз. 3 п. 5 дается разъяснение о том, что местом совершения мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, исходя из особенностей предмета и способа данного преступления, является, как правило, место совершения лицом действий, связанных с обманом или злоупотреблением доверием и направленных на незаконное изъятие денежных средств. Таким образом, местом преступления будет являться место, в котором преступник находился в момент совершения обмана или злоупотребления доверием. Если

не удастся установить местонахождение преступника в момент совершения преступления, следует принимать решение о возбуждении уголовного дела по месту регистрации заявления потерпевшего, при наличии повода и достаточных данных, указывающих на преступление.

Также сотрудники оперативных подразделений до возбуждения уголовного дела сталкиваются с проблемами получения судебных разрешений на производство ОРМ, таких как «наведение справок», «прослушивание телефонных переговоров», «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений», что усложняет сам процесс получения сведений и приводит к затягиванию сроков проверки сообщения о преступлении.

Неполнота предоставляемых материалов оперативно-розыскной деятельности не позволяет следователю в соответствии со ст. 144–145 УПК РФ своевременно принять законное и обоснованное решение о возбуждении уголовного дела.

Следователям необходимо обращать внимание на законность предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности. В материалах доследственной проверки в обязательном порядке должны содержаться постановления о рассекречивании результатов ОРД, постановления о предоставлении материалов ОРД, постановления судов, санкционирующих проведение оперативно-розыскных мероприятий (например, наведения справок – получения выписок о движении денежных средств по банковским счетам; прослушивания телефонных переговоров и др.) и сопроводительное письмо. В каждом процессуальном документе (заявление, рапорт об обнаружении признаков преступления, объяснение, постановление о направлении результатов ОРД и др.) проверочного материала, зарегистрированного в КУСП, должны полностью соответствовать исходным данным сведения о банковских картах, банковских счетах, абонентских номерах, учётных записях пользователей сети «Интернет», IP-адресах, идентификационных номерах (IMEI) и других. Ошибка в любом из реквизитов указанных информационных данных может привести к получению сведений по абсолютному иному, не отнесённому к событию преступления банковскому счёту либо абонентскому номеру. Данное обстоятельство приводит к утрате доказательства, необходимости получения запрашиваемых сведений вновь, как следствие, необоснованному продлению сроков проверки сообщения о преступлении.

В результате совершения хищения денежных средств с использованием ИТТ остаются цифровые следы, и для их обнаружения необходимо проводить одно из важнейших следственных действий – осмотр места происшествия, производство которого допустимо до возбуждения уголовного дела. Р. С. Белкин об осмотре места происшествия писал как о неотложном следственном действии, направленном на установление, исследование и фиксацию обстановки места происшествия, следов преступления и преступника и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме преступления и других обстоятельствах расследуемого события [1, с. 334]. Мы полностью разделяем мнение ученого относительно важности производства осмотра места происшествия и считаем необходимым более подробно раскрыть тактику его производства.

Целью указанного следственного действия является обнаружение, фиксация и изъятие следов преступления для восстановления картины произошедшего события. Особенностью данного следственного действия по делам о хищении денежных средств с использованием ИТТ является то, что объектом осмотра выступает не только помещение, в котором находятся технические средства (компьютеры, ноутбуки, смартфоны, мобильные телефоны, планшеты и другие электронные носители информации), но и сами указанные электронные носители информации.

Бесспорно, на наш взгляд, утверждение Т. Ф. Дмитриевой о том, что, «поскольку эффективность криминалистического обеспечения осмотра места происшествия в первую очередь зависит от его организационного обеспечения, это предопределяет необходимость компетенции и профессионализма лица, реализующего ориентированные на достижение цели каждого конкретного осмотра места происшествия криминалистические технологии комплексно структурированных знаний» [2, с. 61–64]. В связи с этим следует указать, что перед производством следственного действия особое внимание стоит уделить подготовительному этапу, в который входит изучение поступившей информации о том, каким образом было совершено хищение, какие технические средства использовались, как осуществлялось общение предполагаемого преступника с «жертвой» (посредством телефонного звонка или через интернет-мессенджер). Далее осуществляется подготовка технических средств для осуществ-

вления фото-, видеофиксации, определяется место производства осмотра и осуществляется подбор участников, которые будут присутствовать при осмотре. В круг участвующих лиц может входить потерпевший, который способен оказать содействие при осмотре его телефона, рассказывая порядок и алгоритм действий, через какие приложения он переводил денежные средства, с какого номера осуществлялся звонок или куда направлялись смс-коды и т. д. Для данного следственного действия необходимо привлечение специалистов в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, например, если производится осмотр персонального компьютера, где необходимо осуществить копирование информации, которая содержит значимые для уголовного дела данные. Указанное требование является обязательным, его несоблюдение может привести к признанию собранных доказательств недопустимыми, особенно если электронный носитель информации, изъятый при осмотре места происшествия, в ходе обыска, выемки и других следственных действий, является ключевым доказательством, единственным прямым подтверждением факта совершения хищения денежных средств с использованием ИТТ. Более того, участие специалиста при проведении следственных действий представляется наиболее значимым, поскольку специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, его участие даёт возможность проконсультировать следователя на месте совершения преступления относительно произошедших событий, оказать квалифицированную помощь в обнаружении и изъятии цифровых следов.

После тщательной подготовки следователь переходит к рабочему этапу. Практика показывает, что большинство следователей не уделяют должного внимания подготовительному этапу, что далее приводит к большому количеству ошибок и утрате доказательств и в последующем затрудняет дальнейшее расследование преступления.

Условно осмотр телефона можно разделить на несколько этапов: 1) внешний осмотр; 2) конструктивный осмотр; 3) осмотр информационной составляющей части [3].

Внешний осмотр мобильного устройства представляет собой отражение информации о марке, модели, цвете, сколах, иных повреждениях, расположении разъемов под наушники и USB-выходов.

В процессе конструктивного осмотра осуществляется изъятие сим-карт с обязательным указанием оператора сотовой связи, а также

IMEI (идентификационный номер) мобильного устройства.

Осмотр информационной составляющей устройства связи является наиболее важным, так как именно на этом этапе происходит обнаружение цифровых следов. Данный этап следует начинать с указания в протоколе осмотра процедуры разблокировки телефона (ввода пароля). Далее отражаются все мобильные приложения, находящиеся на рабочем столе устройства, и осуществляется осмотр тех приложений, которые содержат информацию, имеющую значение для уголовного дела.

В первую очередь осматривается телефонная книга входящих и исходящих звонков, при обнаружении соединения с мошенником в протоколе отражается тип соединения (входящий, исходящий звонок), абонентский номер, с которого осуществлялся звонок, и временной период телефонного разговора. Источником цифровых следов в виде текстов сообщений являются приложения по обмену сообщениями (например, WhatsApp, Telegram), а также книга сообщений, хранящаяся в корневой директории (место, где хранятся все файлы системы) телефона. При осмотре данных приложений в них может быть обнаружена информация о кодах подтверждения совершения платёжных операций, которые сообщаются обманутыми потерпевшими злоумышленникам, информация о совершённых подозрительных операциях, выигрышах в лотереях либо необходимости оказания благотворительной помощи и фактически содержат сведения, не соответствующие действительности.

Через вышеуказанные приложения могут осуществляться интернет-звонки. В отличие от мобильной связи, интернет-звонки (IP-телефония) позволяют злоумышленникам скрывать своё фактическое местонахождение. Этому обстоятельству способствует система постоянно меняющихся IP-адресов в момент совершения интернет-сессии. Наиболее латентными являются интернет-звонки через виртуальную частную сеть (VPN), которая используется для безопасной и анонимной передачи данных по публичным сетям.

Также тщательному осмотру подлежат приложения онлайн-банков, в которых содержится информация о переводе денежных средств мошенникам. При осмотре приложения указываются реквизиты отправителя (номер счета, ФИО лица, осуществляющего перевод денежных средств), наименование банка, дата и время осуществления операции, сумма денежных средств, которая была переведена, данные по-

лучателя, реквизиты его карты (если перевод осуществлялся по номеру карты) либо номер телефона.

Заключительный этап осмотра характеризуется ознакомлением с протоколом осмотра места происшествия всех участвующих лиц, подписями протокола и занесением в протокол замечаний, если они имеются. Составляется фототаблица с изображениями поэтапного производства следственного действия.

Анализ следственной практики показывает, что при проведении такого следственного действия, как осмотр места происшествия, допускаются ошибки, когда в отсутствие понятых осуществляется фото- и видеофиксация, однако в протоколе не указываются сведения о марке и модели применяемого технического средства, а также не осуществляется детальная фиксация хода следственного действия. Такой формальный подход к производству осмотра места происшествия приводит к допущению более грубых нарушений в виде отсутствия в протоколе проведения осмотра даты его составления, подписей участвующих лиц и отметки об окончании видеофиксации. Также при осмотре телефона, а именно текстовых сообщений, следователем осматриваются переписки лишь за интересующую дату, т. е. дату совершения преступления, хотя потерпевший, например, накануне или за неделю до совершения преступления мог осуществлять переговоры с мошенником в момент подготовки к осуществлению преступного деяния. Все это может привести к утрате доказательств и упущению информации, имеющей значение для успешного раскрытия и расследования преступления.

Подводя итог вышесказанному, целесообразно процитировать высказывание А. В. Варданяна, который говорил, что осмотр места происшествия является одним из немногих следственных действий, недостатки и упущения при производстве которого нельзя восполнить в дальнейшем [4]. Следы, предметы и объекты, которые не были обнаружены, зафиксированы и изъяты при осмотре места происшествия, в большинстве своем будут безвозвратно утеряны от воздействия внешней среды, лиц, участвующих в осмотре места происшествия и не придавших им значения, либо иных факторов, в том числе от воздействия лиц, заинтересованных в сокрытии следов преступления.

Таким образом, несмотря на постоянное совершенствование способов хищения денежных средств посредством использования ИТТ,

тактически грамотное проведение первоначальных следственных действий позволяет установить лицо, совершившее преступление, собрать доказательства, достаточные для предъявления обвинения и выполнения последующих следственных действий, провести эффективное раскрытие и расследование преступления.

Библиографический список

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
2. Дмитриева Т. Ф. Криминалистическая технология организационного компонента системы криминалистического обеспечения осмотра места происшествия. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2017.
3. Васюков В. Ф., Булыжкин А. В. Некоторые особенности осмотра средств сотовой связи при расследовании уголовных дел // Российский следователь. 2014. № 2. С. 2–4.
4. Варданян А. В., Антонов В. А., Белохребтов В. С. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость: монография. Иркутск, 2016. 112 с.

References

1. Belkin R. S. Criminalistic encyclopedia. 2nd ed. add. M.: Megatron XXI, 2000. 334 p.
2. Dmitrieva T. F. Criminalistic technology of the organizational component of the system of criminalistic support for the inspection of the scene. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov, 2017.
3. Vasyukov V. F., Bulyzhkin A. V. Some features of the inspection of cellular communications during the investigation of criminal cases // A Russian investigator. 2014. No. 2. Pp. 2–4.
4. Vardanyan A. V., Antonov V. A., Belokhrebto V. S. Features of the identification, disclosure and initial stage of the investigation of attempted fraud in the reimbursement of value added tax: monograph. Irkutsk, 2016. 112 p.

Статья поступила в редакцию 24.05.2024; одобрена после рецензирования 03.06.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 24.05.2024; approved after reviewing 03.06.2024; accepted for publication 18.09.2024

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научная статья
УДК 343.3/.7

Социально-правовые предпосылки установления уголовной ответственности за подкуп спортивного арбитра (третейского судьи)

Крупник Инна Александровна
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
n_krupnik@list.ru

Аннотация. Коррупционные проявления в сфере профессионального спорта, к сожалению, не являются редким явлением и в России, и за рубежом. На данный факт прямо указывает нормативно-правовая база, которая сегодня создана на Западе, особенно в странах англо-саксонской правовой семьи. Противодействие коррупции самыми жесткими мерами уголовно-правового характера уже давно стало нормой для европейского законодателя, что находит соответствующее подтверждение не только в рамках национальных законодательств, но и на международно-правовом уровне. В свою очередь это оказывает серьезное влияние на принимаемые отечественным нормотворцем решения и находит соответствующее отражение в новой статье УК РФ. Исследование предпосылок ее появления имеет особое значение для понимания ее сущности и последующего применения на практике.

Ключевые слова: подкуп, спортивный арбитр, третейский судья, уголовная ответственность, коррупция, арбитражный суд

Для цитирования: Крупник И. А. Социально-правовые предпосылки установления уголовной ответственности за подкуп спортивного арбитра (третейского судьи) // На страже закона. 2024. № 3. С. 37–40.

Original article

© Крупник И.А., 2024

Socio-legal prerequisites for establishing criminal liability for bribery of a sports referee (arbitrator)

Krupnik Inna A.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, n_krupnik@list.ru

Abstract. Corruption in the field of professional sports, unfortunately, is not a rare occurrence both in Russia and abroad. This fact is directly indicated by the regulatory framework that has been created today in the West, especially in the countries of the Anglo-Saxon legal family. Combating corruption with the toughest measures of a criminal-legal nature has long become the norm for the European legislator, which finds corresponding confirmation not only within the framework of national legislation, but also at the international legal level. In turn, this has a serious impact on the decisions taken by the domestic lawmaker and is reflected accordingly in the new article of the Criminal Code of the Russian Federation. The study of the prerequisites for its emergence is of particular importance for understanding its essence and subsequent application in practice.

Keywords: bribery, sports referee, arbitrator, criminal liability, corruption, arbitration court

For citation: Krupnik I. A. Socio-legal prerequisites for establishing criminal liability for bribery of a sports referee (arbitrator) // Law Enforcement. 2024. № 3. Pp. 37–40.

Согласно ст. 36.2 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» споры, возникающие в профессиональном спорте и спорте высших достижений, включая индивидуальные трудовые споры, передаются сторонами в арбитраж (третейское разбирательство), администрируемый постоянно действующим арбитражным учреждением, образованным при некоммерческой организации (постоянно действующее арбитражное учреждение, администрирующее арбитраж (третейское разбирательство) споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений, включая индивидуальные трудовые споры, образуется при некоммерческой организации, органы управления которой в соответствии с уставными документами некоммерческой организации формируются Олимпийским комитетом России, Паралимпийским комитетом России, профессиональным союзом, объединяющим работников физической культуры и спорта и являющимся стороной отраслевого соглашения, заключенного с федеральным органом исполнительной власти в области физической культуры и спорта, общероссийскими спортивными федерациями по видам спорта, включенным в программу Олимпийских игр, Паралимпийских игр, и профессиональными спортивными лигами) в соответствии с за-

конодательством Российской Федерации об арбитраже (третейском разбирательстве) и с особенностями, установленными настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами¹.

Незаконное взимание третейского сбора ранее не подлежало уголовной ответственности, в связи с чем повысился риск коррупции третейских судей, что по нашему мнению, препятствовало развитию системы третейского разрешения споров в России².

Изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), способствовали решению данной проблемы, в связи с чем анализ ст. 200.7 УК РФ представляется актуальным, даже с учетом того, что в настоящее время указанная норма не применяется на практике.

Данная поправка была внесена в соответствии с международными обязательствами России, связанными с присоединением к Кон-

¹ Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

² Parties and arbitrators guilty of corruption in arbitration proceedings will face criminal liability in Russia. URL: file:///C:/Users/kholo/Downloads/parties-and-arbitrators-guilty-of-corruption--will-face-criminal-liability-in-russia_21-01-27.pdf (дата обращения: 05.04.2024).

венции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (27 января 1999 г.), Дополнительным протоколом к ней и Рекомендациями GRECO об уголовной ответственности за подкуп отечественных и иностранных арбитров. Кроме того, в соответствии с Заключением № 21 (2018) Совета европейских судей «О предупреждении коррупции судей» (CCJE(2018)3), принятым в Загребе 9 ноября 2018 г., указано, что Протокол № 191 к ЕТС требует установления уголовной ответственности за взяточничество и коррупцию судей и присяжных арбитражных судов, в том числе иностранных.

Россия декларацией (распоряжение Президента РФ от 16 марта 2009 г. № 158-рп) подписала Дополнительный протокол к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 191) (15 мая 2003 г., Страсбург)¹. Однако проблема заключается в том, что наша страна до сих пор его не ратифицировала.

Рекомендательный законодательный акт – Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств, принятый в г. Санкт-Петербурге 17 февраля 1996 г. Постановлением 7–5 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, содержит ст. 284 «Злоупотребление правомочиями аудиторами, третейскими судьями, нотариусом или адвокатом». Она предлагает признать преступлением средней тяжести «использование аудитором, третейским судьей, нотариусом или адвокатом имеющихся у него правомочий вопреки задачам своей деятельности и с целью извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, если это деяние причинило существенный вред правам или законным интересам граждан, организаций либо государства»². Однако до настоящего времени злоупотребление полномочиями третейскими судьями не криминализовано, что, на наш взгляд, является пробелом законодательства.

Введение такой узкой статьи, как 200.7 УК РФ «Подкуп арбитра (третейского судьи)», вызывает активные споры и в теории уголовного права, и в правоприменительной практике. Например, В. И. Гладких в какой-то степени согласен с тем, что деяния, предусмотренные ст. 200.7 УК РФ, должны быть криминализованы,

¹ Бюллетень Европейского суда по правам человека // Российское издание. 2019. № 1.

² Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств // СЗ РФ. 2009. № 12. Ст. 1419.

но при этом логично ставит вопрос о том, насколько эта норма права будет востребована. По его мнению, преступления, предусмотренные ст. 200.7 УК РФ, как и другие коррупционные деяния, традиционно считаются преступлениями большой общественной опасности, а также относятся к числу высоко латентных, выявляемых и документируемых в основном с помощью оперативно-розыскных мероприятий, требующих санкционирования судом и наличия весомых доказательств.

Все вышеперечисленное заведомо делает новую норму практически неприменимой, в связи с чем она рискует пополнить тот же список «мертвых» норм, которыми итак изобилует гл. 22 УК РФ [1, с. 34–40].

По мнению А. Железняк, «нецелесообразно возлагать ответственность на лицо, чьи права и обязанности находятся под вопросом. Ведь кому придет в голову подкупать арбитра, решения которого в любом случае можно обжаловать?» [2]. А. Сухаренко считает, что фигура арбитра, назначаемого предпринимателями для разрешения будущих экономических споров (в отличие от обычных судей), с ее аморфным правовым статусом и подотчетностью вряд ли может быть подвергнута уголовному преследованию [3]. Учитывая конфиденциальный характер гражданско-правовых сделок и труднодоказуемость корыстной заинтересованности третейского судьи, деятельность которого регламентируется отдельным федеральным законом, указанная норма вряд ли найдет свое практическое применение [4].

Об эффективности нормы российского уголовного законодательства пока ничего сказать нельзя, так как практика ее применения полностью отсутствует. Следует отметить, что в Европейских странах подход к борьбе с коррупцией в спорте существенно отличается. Основное внимание уделяется согласованности законодательств разных европейских стран для обеспечения единообразного понимания правонарушений³. В отечественном уголовном законодательстве не предусмотрен дифференцированный подход к различным категориям преступлений в спортивной сфере. При этом проблема наличия договорных матчей и нарушений антидопинговых правил все же признается как в научной доктрине, так и правоприменителем.

³ Match-fixing in sport A mapping of criminal law provisions in EU 27 URL: https://ec.europa.eu/assets/eac/sport/library/studies/study-sports-fraud-final-version_en.pdf (дата обращения: 24.11.2023).

На основании вышеизложенного считаем, что законодатель должен вносить в УК РФ последовательные изменения и дополнения. Кроме того, позиция Г. В. Севастьянова о необходимости криминализации «посредничества в подкупе третейских судей (арбитров), фальсификации (подлога) третейского решения и материалов третейского разбирательства, на основании которых вынесено решение» целесообразной и обоснованной. Именно закрепление в уголовном законе подобного рода запретов будет направлено на реализацию профилактической функции уголовного права и, как следствие, будет способствовать снижению уровня совершаемых преступлений в этой области.

При обсуждении данной проблемы следует отметить, что позиция российского законодателя относительно включения ст. 200.7 «Подкуп арбитра (третейского судьи)» в УК РФ направлена на предотвращение данного явления. Однако реальные результаты этого шага станут ясны лишь в перспективе. Важно понимать, что предупреждение и пресечение случаев подкупа арбитров и третейских судей является важным шагом в обеспечении честности и надежности арбитражных процедур. Подобные действия способствуют установлению доверия к арбитражной системе, что в свою очередь может повысить эффективность и прозрачность рассмотрения споров. Таким образом, включение ст. 200.7 в УК РФ можно рассматривать как одно из мероприятий, повышающих качество правосудия в России.

Библиографический список

1. Гладких В. И. Уголовная ответственность арбитра (третейского судьи): объективная необходимость или еще одна мертворожденная норма? // Российский судья. 2021. № 3. С. 34–40.
2. Коробка Е. Подкуп третейского судьи предлагается криминализовать // Адвокатская газета. 2020.
3. Сухаренко А. Н. Третейским судьям пригрозили тюрьмой // Независимая газета. 2020.
4. Сухаренко А. Н. Коррупционная преступность сквозь призму "мертвых" статей Уголовного кодекса РФ // Безопасность бизнеса. 2021. № 1. С. 51–54.

References

1. Gladkikh V. I. Criminal liability of an arbitrator (arbitrator): is it an objective necessity or another stillborn norm? // Russian judge. 2021. No. 3. Pp. 34–40.

2. Cit. by Box E. Bribery of an arbitrator is proposed to criminalize // Advocate newspaper. 2020.

3. Sukharenko A. N. The arbitrators were threatened with prison // An independent newspaper. 2020.

4. Sukharenko A. N. Corruption crime through the prism of "dead" articles of the Criminal Code of the Russian Federation // Business security. 2021. No. 1. Pp. 51–54.

Статья поступила в редакцию 11.06.2024; одобрена после рецензирования 28.06.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 11.06.2024; approved after reviewing 28.06.2024; accepted for publication 18.09.2024

Научная статья

УДК 343.3/.7

К вопросу о либерализации и гуманизации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности

Токарев Денис Сергеевич¹, Родыгин Роман Александрович²

¹ Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Екатеринбург, Россия, urkp2012@gmail.com

² Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
rrodygin00@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы либерализации и гуманизации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Авторами приводятся конкретные законодательные решения, связанные с реализацией указанного направления уголовной политики, которые выражены в виде декриминализации соответствующих составов преступлений, смягчения санкций и повышения пороговых значений при определении крупного и особо крупного ущерба.

Ключевые слова: декриминализация, уголовная политика, преступления экономической направленности, либерализация, гуманизация

Для цитирования: Токарев Д. С., Родыгин Р. А. К вопросу о либерализации и гуманизации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // На страже закона. 2024. № 3. С. 41–44.

Original article

On the issue of liberalization and humanization of criminal liability for crimes in the sphere of economic activity

Tokarev Denis S.¹, Rodygin Roman A.²

¹ Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia,
urkp2012@gmail.com

² Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
rrodygin00@mail.ru

Abstract. The article discusses the issues of liberalization and humanization of criminal liability for crimes in the field of economic activity. The authors provides specific legislative decisions related to the implementation of this area of criminal policy, which are expressed in the form of decriminalization of relevant crimes, mitigation of sanctions and raising thresholds for determining large and especially large damages.

© Токарев Д.С., Родыгин Р.А., 2024

Keywords: decriminalization, criminal policy, economic crimes, liberalization, humanization

For citation: Tokarev D. S., Rodygin R. A. On the issue of liberalization and humanization of criminal liability for crimes in the sphere of economic activity // Law Enforcement. 2024. № 3. Pp. 41–44.

Состояние и уровень экономического развития, наличие благоприятного бизнес-климата являются важнейшими составляющими поступательного развития любой страны. Учитывая значимость экономических отношений, государство стремится обеспечить их всеобъемлющую защиту, в том числе и уголовно-правовыми средствами. Так, в структуру Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) входит гл. 22, которая объединила в себе нормы, устанавливающие ответственность за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. Она является одной из самых объемных, с точки зрения количества содержащихся в ней правовых запретов. В связи с этим в юридическом сообществе небезосновательно сформировался тезис о сложившейся избыточной уголовно-правовой репрессии, которая оказывает негативное воздействие на развитие экономической сферы. По нашему мнению, важной задачей государства является обеспечение оптимального баланса между репрессивным воздействием норм уголовного закона на экономические отношения и необходимостью их защиты этими же средствами.

17 июня 2022 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин, принимая участие на пленарном заседании юбилейного XXV Петербургского международного экономического форума, заявил о необходимости декриминализации ряда составов преступлений экономической направленности¹. Указанное выступление первого лица российского государства обусловило дополнительный импульс развития правовой политики в сторону либерализации и гуманизации законодательства в части установления уголовной ответственности в сфере экономической деятельности. В рамках реализации данного направления в Государственную думу РФ был внесен ряд законопроектов. Некоторые из них обрели форму закона, но часть так и не нашла одобрения со стороны законодателя. Обозначенные новеллы вырази-

лись в соответствующих изменениях как процессуального, так и материального законодательства.

Одним из знаковых изменений УПК РФ в части ослабления уголовно-правовых репрессий в отношении предпринимательского сектора стало принятие федерального закона от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ², которым конкретизированы порядок и условия избрания мер пресечения (в частности заключения под стражу) в отношении субъектов предпринимательской деятельности. Указанная правовая новелла позволила расширить гарантии лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, при осуществлении уголовного преследования, а также исключить случаи продления срока содержания под стражей, если расследование по уголовному делу организовано неэффективно.

Говоря о преобразовании уголовного закона, необходимо выделить ряд тенденций, посредством реализации которых осуществлялась гуманизация законодательства в сфере уголовной ответственности за совершение экономических преступлений.

Во-первых, любая либерализация уголовного закона связана с процессом декриминализации уголовно-правовых запретов. Однако указанная тенденция является по большей части лишь предполагаемой, желаемой и декларируемой государством. Так, за последнее время утратила силу лишь ст. 200.2 УК РФ, которая предусматривала ответственность за контрабанду алкогольной продукции и (или) табачных изделий. Кроме того, исключена ответственность за незаконное предпринимательство, в случае если оно сопряжено с извлечением дохода в крупном и особо крупном размере, и за незаконное использование предпринимательской маркировки.

Необходимо также отметить, что на рассмотрение Государственной думы РФ вносились законопроекты, направленные на декриминализацию ряда составов преступлений эконо-

¹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейного, XXV Петербургского международного экономического форума. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669>.

² Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru>.

мической направленности. Так, Министерство юстиции РФ предлагало исключить уголовную ответственность за регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом (ст. 170 УК РФ), внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории (ст. 170.2 УК РФ), злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах (ст. 185.1 УК РФ) и т. д.¹ Однако данная инициатива не нашла соответствующей поддержки со стороны законодателей и правоприменителей. Прежде всего, это обусловлено непоследовательностью некоторых предложений. Как уже отмечалось выше, указанным законопроектом предлагалось исключить из структуры уголовного закона ст. 170 УК РФ, которая предусматривает ответственность за регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом. Тем самым законодатель стремился улучшить деловой климат в условиях интенсивного санкционного давления и минимизировать риски необоснованного уголовного преследования субъектов предпринимательской деятельности. Проанализировав законодательную инициативу и правоприменительную практику, складывающуюся на сегодняшний день, полагаем, что декриминализация ст. 170 УК РФ противоречит смыслу и целям рассматриваемой инициативы, так как субъектом анализируемого преступления является не лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, а должностное лицо государственного органа, непосредственно проводящее регистрационные действия [1, с. 40]. Таким образом, процесс декриминализации требует внимательного отношения со стороны законодателя, а подобный неизбирательный подход при его реализации является недопустимым.

Следующая тенденция связана со смягчением санкций по рассматриваемой категории составов преступлений. Так, например, федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ²

¹ Проект федерального закона № 01/05/08-22/00130229 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://regulation.gov.ru>.

² Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru>.

снижен максимальный срок лишения свободы по преступлениям, предусмотренным ст. 199, 199.1, 199.2, 199.4 УК РФ, совершенным в особо крупном размере. Указанное законодательное решение было реализовано в рамках исполнения Перечня поручений по итогам встречи Президента РФ с членами общероссийской общественной организации «Деловая Россия».

Кроме того, в рамках гуманизации ответственности за совершение экономических преступлений наблюдается тенденция повышения пороговых значений при определении крупного и особо крупного ущерба. Об указанном векторе развития уголовного закона заявил Президент Российской Федерации В. В. Путин на пленарном заседании XXVI Петербургского международного экономического форума³. В связи с этим федеральным законом от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ⁴ изменения пороговых значений коснулись следующих преступлений: ст. 159, 171.5, 172.3, 178, 185.6, 193.1, 199, 199.1, 200.3 УК РФ. Данные новеллы обусловлены, прежде всего, ростом инфляции в Российской Федерации за последние годы, которая в 2019 г. составила 3 %, в 2020 г. – 4,9 %, в 2021 г. – 8,4 %, в 2022 г. – 11,94 %⁵, а в 2023 г. – 7,42 %⁶.

Индексация размера ущерба и размера преступной деятельности (в том числе дохода от нее), позволяющих квалифицировать деяние в сфере экономической деятельности как совершенное в крупном или особо крупном размере, не проводилась на протяжении длительного периода времени. Таким образом, прежние показатели крупного и особо крупного размеров не соответствовали объективной действительности. Подобная ситуация в конечном итоге противоречила принципам

³ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании XXVI Петербургского международного экономического форума URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71445>

⁴ Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru>.

⁵ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 327269-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru>.

⁶ Росстат оценил инфляцию в РФ в 2023 г. в 7,42 %. URL: <https://www.interfax.ru/business/940012>.

соразмерности и справедливости уголовного наказания.

Реализуемая государством правовая политика в отношении преступлений экономической направленности дает ощутимые результаты. Согласно статистическим данным за последние два года существенно снизилось количество регистрируемых преступлений указанной категорий. Так, в 2019 г. органами правопорядка было зафиксировано – 104 927 таких противоправных деяний, в 2020 г. – 105 480, в 2021 г. – 117 707, в 2022 г. – 111 429, в 2023 г. – 105 257¹.

Большинство правоприменителей и ученых рассматривают процесс либерализации и гуманизации уголовного законодательства исключительно как положительное явление. Однако некоторые авторы относятся к данной тенденции с определенной долей скепсиса. Так, М. И. Орешкин и М. А. Сутурин справедливо предлагают не переоценивать гуманизацию как способ образования благоприятного делового климата и развития экономики в целом, так как либерализация уголовного закона коренным образом не влияет на положение макроэкономических индикаторов в государстве [2, с. 51]. Активная нормотворческая деятельность законодателя, связанная с регулярным изменением уголовного закона, наоборот, может повлечь за собой определенные негативные последствия, которые выразятся в возникновении правовых коллизий и иных правоприменительных проблемах.

Таким образом, результаты проведенного исследования демонстрируют интенсивный, всеобъемлющий, многоаспектный и разнородный характер процесса гуманизации и либерализации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, однако указанное направление уголовной политики не всегда отвечает требованиям системности и последовательности, что является недопустимым в сфере уголовно-правового регулирования.

Библиографический список

1. Токарев Д. С., Родыгин Р. А. Некоторые особенности квалификации регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом по признакам объективной стороны // На страже закона. 2023. № 4 (4). С. 39–45.

¹ ЕМИСС. Государственная статистика. Количество преступлений экономической направленности, зарегистрированных в отчетном периоде. URL: <https://www.fedstat.ru>.

2. Орешкин М. И., Сутурин М. А. К вопросу о либерализации уголовной ответственности за терроризм в сфере экономической деятельности // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 48–51.

References

1. Tokarev D. S., Rodygin R. A. Some features of qualification of registration of illegal transactions with real estate based on the criteria of the objective side // On guard of the law. 2023. No. 4 (4). Pp. 39–45.

2. Oreshkin M. I., Suturin M. A. On the issue of liberalization of criminal liability for terrorism in the sphere of economic activity // Criminal justice. 2019. No. 13. Pp. 48–51.

Информация об авторах

Токарев Денис Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about authors

Tokarev Denis S. – candidate of legal sciences, associate professor

Статья поступила в редакцию 29.07.2024; одобрена после рецензирования 02.08.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 29.07.2024; approved after reviewing 02.08.2024; accepted for publication 18.09.2024

Научная статья

УДК 343.2/.7

Актуальные проблемы применения современного института принудительных мер воспитательного воздействия

Тучков Андрей Юрьевич¹, Баранова Юлия Владимировна², Лаптев Виктор Иванович³

^{1,2,3} Брянский филиал Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, Брянск, Россия

Автор, ответственный за переписку: Тучков Андрей Юрьевич,
AndreyTuchkoff@gmail.com

Аннотация. Авторами рассматриваются современные проблемные вопросы применения положений института принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним преступникам.

Ключевые слова: противоправные деяния, принудительные меры, профилактика преступлений, несовершеннолетний, воспитательное воздействие

Для цитирования: Тучков А. Ю., Баранова Ю. В., Лаптев В. И. Актуальные проблемы применения современного института принудительных мер воспитательного воздействия // На страже закона. 2024. № 3. С. 45–54.

Original article

Actual problems of the application of the modern institute of compulsory educational measures

Tuchkov Andrey Yu.¹, Baranova Yulia V.², Laptev Victor I.³

^{1,2,3} Bryansk branch of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Bryansk, Russia

Corresponding author: Tuchkov Andrey Yu., AndreyTuchkoff@gmail.com

Abstract. The authors consider modern problematic issues of applying the provisions of the institute of compulsory educational measures to juvenile offenders.

Keywords: illegal acts, coercive measures, crime prevention, juvenile, educational impact

For citation: Tuchkov A. Yu., Baranova Yu. V., Laptev V. I. Actual problems of the application of the modern institute of compulsory educational measures // Law Enforcement. 2024. № 3. Pp. 45–54.

© Тучков А.Ю., Баранова Ю.В., Лаптев В.И., 2024

В существующем уголовном законодательстве Российской Федерации указаны основания для применения принудительных мер воспитательного воздействия. Среди обязательных условий для их применения можно выделить:

1. Совершение преступления небольшой или средней тяжести.
2. Возможность исправления.
3. Несовершеннолетний возраст.

Однако существует исключение в форме обстоятельств, определенных в ст. 96 УК РФ, когда принудительные меры воспитательного воздействия могут применяться по отношению к лицам, совершившим преступления в возрасте от 18 до 20 лет.

Действующая система правовых норм, служащая основанием для применения принудительных мер воспитательного воздействия, не является идеальной или совершенной. Например, при рассмотрении основания «совершение преступления небольшой или средней тяжести» возникает проблема, заключающаяся в невозможности применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, совершившим тяжкие преступления.

Доктор наук Д. И. Фельдштейн, специалист в области возрастной и педагогической психологии, провел исследование, в результате которого была разработана типизация нарушителей закона. Он отметил, что помимо группы подростков с устойчивым комплексом антисоциальных взглядов, существуют другие подгруппы подростков, которые имеют измененные потребности, а также случайные правонарушители [1].

Анализ судебной практики и статистических данных позволяет говорить, что молодые правонарушители чаще всего совершают корыстные и тяжкие преступления в организованных группах. Как правило, подростки, совершающие преступления в группе, случайно оказываются вовлеченными в преступную деятельность. Несомненно, такая категория несовершеннолетних лиц может быть подвергнута исправлению без применения уголовного наказания.

В некоторых случаях суды вынуждены изменять категорию преступления на менее тяжкую, чтобы избавить подростка от уголовной ответственности или наказания [2, с. 52]. Современная судебная практика стремительно меняется, поэтому необходимо на законодательном уровне закрепить возможность применения принудительных мер воспитательного воздей-

ствия к несовершеннолетним правонарушителям, совершившим тяжкие преступления. Так как этого на сегодняшний день нет, то кажется необходимым, предоставить судам право изменять категорию преступления на менее тяжкую как при назначении уголовного наказания, так и при освобождении от уголовной ответственности или наказания.

Когда говорим об этом основании, следует отметить, что первоначальная редакция ч. 1 ст. 90 УК РФ, которая действовала до 2003 г.¹, предусматривала возможность освобождения несовершеннолетнего правонарушителя, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия [3, с. 34]. Внесенные в законодательство изменения полностью исключили из редакции закона условие, согласно которому лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, освобождались от нее при совершении преступления впервые [4, с. 44]. Таким образом, даже при совершении первого преступления несовершеннолетний будет нести полную уголовную ответственность. Безусловно, это имеет большое значение для поддержания правопорядка и привлечения к ответственности несовершеннолетних, которые совершают тяжкие преступления. Однако следует учитывать особенности возраста и психологического развития несовершеннолетних при определении наказания, что позволит обеспечить их корректное исправление и реабилитацию. Одной из возможных мер, которые могут быть применены к несовершеннолетним правонарушителям, является условное осуждение, сопровождающееся рядом социально-образовательных программ, направленных на реинтеграцию их в общество. Все это необходимо для обеспечения справедливости и сбалансированности в отношении юных преступников, а также для предотвращения совершения ими повторных правонарушений.

Эти вопросы стали причиной широких научных дискуссий: некоторые ученые-правоведы считают такое изменение закономерным, утверждая, что новое положение позволит увеличить количество несовершеннолетних, которые могут быть исправлены без применения репрессивных мер. Однако противники считают такое послабление необоснованным и видят в нем угрозу общественному порядку и безопасности [5, с. 266]. Несовершеннолет-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт.

ний, повторно совершающий преступления, может рассматривать институт принудительных мер воспитательного воздействия как возможность избежать уголовного наказания, что формирует в нем чувство безнаказанности за противоправные действия [6, с. 89].

На наш взгляд, вторая позиция кажется более обоснованной, поэтому считаем необходимым вновь включить в конструкцию ч. 1 ст. 90 УК РФ признак «впервые», который, помимо всего прочего, должен стать инструментом предотвращения повторных преступлений несовершеннолетних. Мы полностью разделяем мнение Н. А. Александровой о том, что необходимо исключить возможность применения мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, которые ранее уже привлекались к уголовной ответственности [7, с. 128]. На сегодняшний день правовую проблему составляет отсутствие законодательных критериев, четко определяющих эту возможность. В связи с этим возможность исправления рассматривается как оценочная категория, что ведет к вопросам, возникающим при ее определении.

Часто в правоприменительной деятельности допускается формальное отношение к возможности исправления несовершеннолетнего [8, с. 7]. В данном случае, согласно мнению Е. О. Филипповой, оценочными критериями являются: проживание несовершеннолетнего в полной семье; его отказ от употребления спиртных напитков (также подросток не должен состоять на учете у врача-нарколога и психиатра); отсутствие фактов привлечения его к юридической ответственности; наличие положительных характеристик от руководства и педагогического состава образовательных учреждений, где он обучается [9, с. 87]. Многие ученые-правоведы предполагают, что на исправление несовершеннолетнего влияют условия его жизни и воспитания [10, с. 179].

Однако на практике качественное взаимодействие между сотрудниками различных подразделений и служб органов внутренних дел в процессе выполнения указанных выше обстоятельств является редкостью или полностью отсутствует. После анализа более ста уголовных дел по преступлениям, совершенным несовершеннолетними и прекращенным производством, И. В. Овсянниковым и С. Ю. Солониной был сделан вывод об отсутствии реального взаимодействия, которое зачастую сводится к отправке типовых запросов о том, состоит ли несовершеннолетний на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних МВД России, и к получению типовых ответов на по-

ставленный вопрос, некоторые из них содержат информацию о причинах постановки на учет, но основная масса – нет. Исследователи также отмечают формальность оценок личности несовершеннолетнего правонарушителя, указываемых в характеристиках и связанных с неполнотой проведенных следственных действий [11, с. 147].

Представители учебных заведений могут предоставить информацию об особенностях несовершеннолетнего, на зачастую такие сведения у них не запрашиваются. В рамках данной категории дел нередко единственным документом, содержащим сведения о личности несовершеннолетнего и его поведении, является типовая характеристика, которая не всегда помогает определить, есть ли у подростка потенциал для исправления, не требующий наказания, связанного с уголовной ответственностью.

В целом можно поставить под сомнение объективность и достоверность данного подхода, так как такие характеристики могут содержать ошибочную информацию. Имели место ситуации, при которых одно и то же лицо предъявляло две совершенно противоречивые по смыслу и оценке его личности характеристики: одна была получена от представителя органов внутренних дел, а вторая – по просьбе защитника или законных представителей [12, с. 37].

В современной научной юридической литературе существует мнение о том, что суд должен учитывать все сведения, характеризующие как несовершеннолетнего лицо, так и обстоятельства, при которых оно совершило преступление. Среди основных отмечаются степень тяжести преступления и сопутствующие обстоятельства, информация о личности несовершеннолетнего, его окружении, предшествующем и последующем поведении после совершения правонарушения, а также внутренняя оценка правонарушителем своего поступка, его усилия по исправлению содеянного и выплате компенсации причиненного вреда [13, с. 23].

Таким образом, необходимо проводить всестороннее и объективное исследование личности правонарушителя.

Одной из основных проблем рассматриваемой нами темы является недостаток компетентности и опыта в области психологии и педагогики субъектов правоприменительной системы, включая суды. Мы разделяем позицию относительно необходимости привлечения социальных работников, обладающих со-

ответствующими знаниями и квалификацией, способных составить полный и объективный портрет несовершеннолетнего правонарушителя и предложить суду рекомендации относительно применяемых мер в каждом отдельном случае [14, с. 4]. Кроме того, целесообразно на законодательном уровне предусмотреть составление профессионального психологического заключения о несовершеннолетнем правонарушителе [15, с. 16–17].

Психологическая диагностика несовершеннолетних является важным инструментом прогнозирования повторного совершения преступлений. Этот подход получил широкое распространение в европейских странах, где специалисты-психологи проводят глубокий анализ личности и мотиваций несовершеннолетних преступников. Результаты такой диагностики стали надежной основой для вынесения приговоров судебными органами европейских государств [16, с. 153-154].

Согласно статистике, до 80 % приговоров, вынесенных в отношении несовершеннолетних в Европе, опираются на заключения экспертов-психологов. Это говорит о значительной эффективности такого подхода и его положительной роли в борьбе с преступностью среди несовершеннолетних.

Следует отметить, что психологическая диагностика представляет собой комплексный процесс, состоящий из различных методов и инструментов. Специалисты проводят интервью с подростками, анализируют их поведение, эмоциональное состояние и социальную среду, а также используют психометрические тесты. Все это позволяет сформировать полную картину личности и предсказать возможные тенденции поведения в будущем.

Важно отметить, что психологическая диагностика несовершеннолетних направлена не на наказание, а на предупреждение рецидива преступлений. Цель этого подхода заключается в том, чтобы помочь молодому человеку исправиться и вернуться на правильный путь социализации. Определение факторов, способствующих совершению преступлений, позволяет разработать рекомендации по изменению поведения несовершеннолетнего и достижению позитивных результатов.

Таким образом, психологическая диагностика вносит значительный вклад в систему судебного прогнозирования и решает важную задачу предотвращения преступности среди несовершеннолетних. Этот инструмент позволяет судебным органам принимать законные и обоснованные решения, направленные на

социальное восстановление и реабилитацию юных правонарушителей.

Касаемо возмещения ущерба, причиненного преступлением, учеными высказана следующая точка зрения: нельзя рассматривать его как единственное и окончательное средство искупления вины [17, с. 7–8]. Обоснованием этого служит тот факт, что в большинстве случаев материальную ответственность за возмещение вреда несут родители несовершеннолетнего, так как он сам не имеет достаточных финансовых средств. Однако мы придерживаемся такого мнения: оказание помощи и заглаживание ущерба, причиненного преступлением, свидетельствуют о раскаянии, и важно, чтобы это не ограничивалось только компенсацией в денежном выражении. Оно также должно включать стремление уменьшить негативные последствия противоправного деяния.

Таким образом, представляется целесообразным расширить правовой базис для применения принудительных мер с учетом необходимости устранения причиненного ущерба и возможности освобождения от уголовного преследования через применение обязательных методов воспитательного воздействия в отношении лиц, первоначально совершивших преступление. Также обязательно следует проводить всестороннее, полное и объективное исследование личности несовершеннолетнего, включая опрос его окружения, педагогов и сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и составление профессионального психологического заключения о нем. Назначение судебной психологической экспертизы в каждом конкретном случае также является необходимым.

Наиболее мягкой мерой воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя является предупреждение. Её суть заключается в достижении осознания деяния и необходимости последующего добровольного и осознанного соблюдения закона. Добиться этого можно через объяснение ему вреда, причиненного его действиями, а также правовых последствий повторных нарушений закона.

В сфере научной литературы существует точка зрения, согласно которой предупреждение – это возможная мера принуждения, которая может применяться при определенных обстоятельствах [18, с. 54]. Одной из ключевых характеристик подобных мер является неотвратимость негативных последствий нарушения условий предупреждения, поскольку они непосредственно привязаны к поведению

лица, ставящего под сомнение свои обязательства [19].

Взрослые обычно принимают активное участие в жизни несовершеннолетнего, общаются с ним, помогают ему преодолевать трудности и обеспечивают необходимые руководство и поддержку. Передача под надзор подразумевает, что родители, опекуны или специализированные государственные органы влияют на поведение несовершеннолетнего и контролируют его. Это означает, что взрослые лица не только отвечают за охрану и заботу о несовершеннолетнем, но и активно вмешиваются в его жизнь, чтобы обеспечить его благополучие и безопасность.

Несовершеннолетние, как правило, не обладают полной самостоятельностью и не несут полной ответственности за свои действия. Именно поэтому передача их под надзор требует, чтобы взрослые принимали активное участие в их жизни и принимали решения относительно их поведения. Задача таких лиц – гарантировать, что ребенок не нарушит закон, повторно не попадет в опасные ситуации и получит необходимую поддержку и руководство. Надзор взрослых может ограничить свободу несовершеннолетнего. Однако это необходимо для его безопасности и личностного развития.

Передача под надзор может быть временной или постоянной. В первом случае ребенку нужна помощь и поддержка, например, во время семейного кризиса или в период проблемных поведенческих проблем. Постоянная передача под надзор может быть назначена, когда ребенок находится в неблагоприятной среде или нуждается в особой заботе.

Несомненно, передача под надзор имеет свои преимущества и недостатки. С одной стороны, она может обеспечить безопасность и улучшить жизнь ребенка, предоставляя ему необходимый надзор и поддержку. Она также может помочь родителям или опекунам в решении проблем и преодолении трудностей. С другой – передача под надзор может вызывать у ребенка ощущение недостатка свободы и отрицание чрезмерного контроля. Он может чувствовать, что его личное пространство ограничено, и что решения, принимаемые за него, не учитывают его собственные потребности и желания.

В конечном счете, передача под надзор является важным механизмом обеспечения благополучия и безопасности несовершеннолетних. Она требует от взрослых принятия на себя ответственности и активного участия в жизни

ребенка, чтобы обеспечить его развитие и защиту. В то же время важно найти баланс между надзором и поддержкой, чтобы несовершеннолетний чувствовал себя защищенным и одновременно имел возможность развития и самовыражения.

Забота со стороны родителей или опекунов, их авторитет и личный пример оказывают позитивный эффект на поведение юного правонарушителя. Однако этот результат достижим только при полноценном содействии и поддержке родителей или законных представителей, когда они постоянно заботятся о ребенке, не отказываются от его воспитания и способны оказывать на него действительно позитивное влияние [20, с. 18].

Уголовное законодательство имеет в своем арсенале меры, позволяющие передать несовершеннолетнего под надзор специализированного государственного органа, который берет на себя контроль поведения подопечного и влияет на его развитие. Это применяется в случаях, когда родители или опекуны по объективным и субъективным причинам (например, из-за инвалидности или алкоголизма) не могут эффективно выполнять педагогический контроль над подростком и обеспечить ему надлежащее воспитание [21, с. 556]. Важно отметить, что данная мера применяется в случаях, когда возраст, особенности психики или другие обстоятельства делают несовершеннолетнего уязвимым и требуют особого внимания со стороны государства. Выбор специализированного органа для надзора основывается на его компетентности и опыте работы с подобными случаями. Главная цель такого надзора – обеспечение безопасности и благополучия несовершеннолетнего, а также обеспечение его социальной адаптации и позитивного развития. Однако необходимо учитывать, что применение такой меры должно быть справедливым и соответствовать принципам правового государства во избежание потенциального нарушения прав ребенка.

Если рассматривать возмещение ущерба, причиненного совершенным подростком преступлением, есть несколько законодательно предусмотренных способов. Согласно ч. 3 ст. 91 УК РФ несовершеннолетний может возмещать ущерб деньгами, предоставлением аналогичного предмета или своим трудом, то есть заботой о потерпевшем и восстановлением его быта, нарушенного преступлением [22, с. 47].

Однако некоторые ученые-правоведы считают, что этот последний способ не является полноценным исполнением положений ст. 91

УК РФ и предлагают в качестве варианта принудительные общественные или иные работы, направленные на устранение вреда, причиненного потерпевшему. Например, они говорят о введении такой нормы как «устранение причиненного преступлением вреда своим трудом в объеме до 100 часов». При этом ответственность за организацию таких работ рекомендуется возложить на местные администрации [23].

С нашей точки зрения, подобный подход нецелесообразен, поскольку внесение изменений в законодательство приведет в большей степени к трудностям, нежели к позитивным моментам. Требуется детальное изучение механизма реализации данных мер, аналогичного механизму реализации обязательных работ, который имеет определенные недостатки и не в полной мере продуман. Вместе с тем предложенная формулировка является детализацией обязанности по заглаживанию причиненного вреда с установлением конкретных сроков.

В качестве еще одной воспитательной меры, имеющей целью наказание и реабилитацию несовершеннолетних, применяется ограничение их досуга и введение определенных требований в отношении их поведения. В частности, несовершеннолетние лишаются возможности посещать определенные места, а также ограничиваются в способах проведения свободного времени и в выборе места своего нахождения. Также запрещается территориальное перемещение несовершеннолетнего без разрешения соответствующих государственных учреждений.

Кроме того, данная воспитательная мера может включать требования о возобновлении обучения в образовательном учреждении или о начале трудовой деятельности с привлечением в качестве посредника специализированного государственного органа.

Однако следует отметить, что представленный перечень мер не является исчерпывающим, и в рамках исправления несовершеннолетнего могут устанавливаться иные требования, при этом необходимо соблюдать целесообразность, избегая излишней строгости и унижения личного достоинства ребенка. Конкретные ограничения свободного времени и индивидуальные предписания в отношении поведения несовершеннолетних определяются с учетом целей его социально-психологической реабилитации и предупреждения повторных правонарушений.

В научной литературе по вопросу юридической природы специальных учебно-вос-

питательных учреждений закрытого типа существуют разногласия. Некоторые эксперты, например, А. А. Горшенин и Г. А. Сошкина, считают помещение в них подростка самой строгой принудительной мерой воспитательного воздействия. Указанный взгляд обоснован историческим развитием данной меры, входившей в систему принудительных мер воспитательного характера согласно Уголовному кодексу РСФСР 1960 г.

Однако другие исследователи, вроде М. М. Коблевой и А. И. Мамедова утверждают, что помещение несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа не является принудительной мерой воспитательного воздействия. На наш взгляд, такую позицию можно объяснить закрепленными в законодательстве мерами, которые используются как при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности, так и в случае освобождения их от наказания. Хотя непосредственно применение процедуры помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа возможно только при освобождении от наказания. В целях сохранения юридической системы законодатель не включил данную меру в общий перечень принудительных мер воспитательного характера. В связи с этим Е. В. Медведев относит предлагаемую меру к числу сопоставимых с уголовным наказанием, предлагая включить ее в общий список наказаний. В этом случае основная цель будет заключаться в использовании воспитательного потенциала и обеспечении принудительного внушения правил и норм поведения, принятых в российском обществе, с целью исправления и предотвращения новых преступлений путем ограничения прав преступника [24, с. 32].

Руководствуясь вышеизложенным, следует отметить важность понимания того, что помещение несовершеннолетних в учебно-воспитательное учреждение является неотъемлемой частью системы принудительных мер воздействия и воспитания. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на ограничения, налагаемые на несовершеннолетних, и возможность применения этой меры только при условии освобождения их от наказания, она не может рассматриваться как наказание, соответственно, исключение ее из списка принудительных мер воздействия было бы нецелесообразным.

Закрытые специальные учебно-воспитательные учреждения предназначены для несовершеннолетних в возрасте от 11 до 18 лет. Согласно положениям УК РФ несовершенно-

летних помещают в них по решению суда в случае освобождения от уголовного наказания в виде лишения свободы, назначенного за совершение тяжких преступлений и преступлений средней тяжести. Основанием для направления в специальное учебно-воспитательное учреждение является потребность обеспечения особых условий воспитания, обучения несовершеннолетнего и специализированного педагогического подхода к нему.

Нецелесообразно применять данную меру к несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет, совершившим преступление небольшой или средней тяжести согласно ч. 6 ст. 88 УК РФ, которая определяет, что этой категории несовершеннолетних правонарушителей не назначается лишение свободы. Позиция С. В. Скрипова в отношении данного вопроса заслуживает поддержки. Он указывает на то, что установленные законодателем ограничения представляют непосредственную угрозу дискриминации детей, страдающих от заболеваний, которые не исключают уголовную ответственность, но мешают их содержанию и образованию в закрытых специальных учебно-воспитательных учреждениях. Также он подчеркивает, что «наличие у несовершеннолетнего заболевания, которое мешает его содержанию и образованию в закрытом учебно-воспитательном учреждении, исключает возможность применения принудительных мер воздействия к нему. И если для несовершеннолетнего, совершившего преступление средней тяжести, существуют другие принудительные меры воздействия (ч. 1 ст. 92 УК РФ), то для несовершеннолетнего, совершившего тяжкое преступление, следует применять исключительно безальтернативное уголовное наказание» [25, с. 32].

Для устранения существующих правовых коллизий можно использовать два способа:

- создать специализированные лечебно-воспитательные учреждения для несовершеннолетних, где будут созданы условия для их пребывания и обучения;

- создать условия для пребывания несовершеннолетних, страдающих определенными заболеваниями, в уже существующих специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа.

Последним условием для помещения несовершеннолетнего в закрытое специальное учебно-воспитательное учреждение является совершение им преступления, которое не включено в перечень, предусмотренный ч. 5 ст. 92 УК РФ.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 24 июня 1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹ закрытые специальные учебно-воспитательные учреждения предназначены для принятия несовершеннолетних, совершивших общественно-опасные деяния до достижения ими возраста уголовной ответственности, а также несовершеннолетних с опущенным психическим развитием, что серьезно влияет на их социализацию (возрастная невменяемость). При этом особые условия воспитания, обучения и специализированный педагогический подход являются необходимыми для этих категорий несовершеннолетних. Условием пребывания в таких учреждениях является отсутствие заболевания, перешедшего в хроническую форму, которое могло бы быть препятствием для их нахождения в данных организациях.

Данные меры не имеют ограничений, связанных с характером преступления, и не распространяются на положения УК РФ. Такое двойное правовое регулирование создает проблемы в правоприменительной деятельности и вызывает научные дискуссии.

Ю. В. Трунцевский считает помещение подростков в закрытые учебно-воспитательные учреждения строго уголовно-правовым мероприятием², в то время как И. М. Красносельских, классифицируя административные меры, относит их к административно-правовому принуждению. В соответствии с УК РФ применение к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия может включать предупреждение, надзор со стороны родителей или специализированных органов, обязанность компенсировать ущерб, ограничение свободного времени и установление специальных требований к поведению, а также помещение в закрытые учебно-воспитательные учреждения. Однако подобный перечень вызывает противоречивые мнения, так как он смешивает меры, применяемые в уголовном праве и в воспитательной сфере.

Таким образом, применение принудительных мер воспитательного воздействия по отношению к несовершеннолетним, совершившим

¹ Федеральный закон РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»// КонсультантПлюс: сайт.

² Обобщение судебной практики по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними в 2012–2013 гг. // Самарский областной суд. URL: oblsud.sam.sudrf.ru.

преступления, является мерой уголовно-правового характера, указанной в уголовном законодательстве. Содержание этих мер остается неизменным в соответствии с положениями УК РФ и Федерального закона РФ от 24 июня 1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹. Однако их продление и прекращение должны основываться на установленных законом критериях в полном соответствии с действующим законодательством.

Библиографический список

1. Александрова Н. С. Принудительные меры воспитательного воздействия в качестве альтернативы уголовному наказанию // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 34. С. 6–11.
2. Белоусова Е. А. О некоторых вопросах прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в отношении несовершеннолетнего // Криминалистика. 2010. № 2 (7).
3. Галимов О. Х. О некоторых вопросах судебной практики освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 2. С. 34.
4. Горшенин А. А., Сошкина Г. А. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как принудительная мера воспитательного воздействия // Образование и наука: современное состояние и перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Международ. науч.-практич. конференции. 2015. Ч. 2.
5. Гусева Н. Н. Некоторые аспекты обеспечения прав обвиняемого (подозреваемого) при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 266
6. Дежнев А. С. Определение ущерба интересам несовершеннолетнего при отстранении законного представителя от участия в производстве по уголовному делу // Уголовное право 2011. № 2.
7. Долгова С. В. Сравнительный анализ мер воздействия в отношении несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. 2012. № 9. С. 128.
8. Дощицын А. Н. Процессуальные особенности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 18. С. 7.
9. Коблева М. М. Институт помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как мера государственного принуждения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 7. С. 87.
10. Корякина З. И. Некоторые вопросы участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в реализации права на защиту в досудебном уголовном судопроизводстве РФ // Государство и право: теория и практика: материалы Международ. науч. конференции. Челябинск: Цицеро, 2011. С. 179.
11. Красносельских И. М. Административное право как способ влияния на профилактику преступлений // Административное и муниципальное право 2016. № 2. С. 147.
12. Курмаева Н. А. Тактические и процессуальные особенности участия специалиста-психолога в допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 1 (33). С. 37.
13. Макарова С. А. Некоторые аспекты применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 4. С. 23.
14. Медведев Е. В. Понятие и виды принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 4. С. 4.
15. Мишуточкин А. Л. Применение тактического приема «юридическая консультация» при допросе подозреваемого (обвиняемого) // Вестник НГУ. Т. 6. Вып. 2. Новосибирск : НГТУ, 2013. С. 16–17.
16. Овсянников И. В., Солонина С. Ю. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 1. С. 153–154.
17. Рождествина А. А. Передача под надзор как принудительная мера воспитательного воздействия // Уголовно-исполнительная

¹ Федеральный закон РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»// КонсультантПлюс: сайт.

система: право, экономика, управление. 2008. № 6. С. 7–8.

18. Скрипов С. В. Болезнь – это наказание? // Судья. 2015. № 11. С. 54.

19. Ситковская О. Д. Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий (постатейный) / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации // КонсультантПлюс: сайт.

20. Трубицына Э. М. Возрастные особенности несовершеннолетних и молодых правонарушителей и определение мер воздействия на них в некоторых странах Восточной Европы (ретроспективный анализ) / отв. ред. В. В. Панкратов // Несовершеннолетние: их возрастные особенности и проблемы правовой ответственности: сборник науч. трудов. М., 2010.

21. Трунцевский Ю. В. Понятие, содержание и виды мер уголовно-правового и административного воздействия // Административное и муниципальное право. 2015. № 6.

22. Фельдштейн Д. И. Психология воспитания подростка. М.: Юрид. лит., 1978.

23. Филиппова Е. О. Понятие, сущность, цели принудительных мер воспитательного воздействия // Концепт. 2016. № 03.

24. Шиловская А. Л. Принудительные меры воспитательного воздействия: оценка состояния и перспективы развития. М.: Институт права и публичной политики, 2009.

25. Щерба С. П. Законодательство зарубежных стран о полномочиях прокурора и суда по применению ареста как меры пресечения, о сроках содержания под стражей и об их продлении // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 4 (36).

References

1. Aleksandrova N. S. Compulsory educational measures as an alternative to criminal punishment // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2013. No. 34. P. 6–11.

2. Belousova E. A. On some issues of termination of criminal case (criminal prosecution) against a minor // Criminalistъ. 2010. No. 2 (7).

3. Galimov O. Kh. On some issues of judicial practice of releasing minors from criminal liability and punishment in connection with the use of compulsory educational measures // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia. 2012. No. 2.

4. Gorshenin A. A., Soshkina G. A. Placing a minor in a special closed-type educational institution as a compulsory educational measure

// Education and Science: Current State and Development Prospects: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference. 2015. Part 2.

5. Guseva N. N. Some Aspects of Ensuring the Rights of the Accused (Suspect) When Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 5.

6. Dezhnev A. S. Determination of damage to the interests of a minor when removing a legal representative from participation in criminal proceedings // Criminal Law 2011. No. 2.

7. Dolgova S. V. Comparative analysis of measures of influence in relation to minors in conflict with the law // Bulletin of the Kant Baltic Federal University. 2012. No. 9. P.

8. Doshchitsyn A. N. Procedural features of minor victims and witnesses in criminal proceedings // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2010. No. 18.

9. Kobleva M. M. Institute of placing a minor in a special closed-type educational institution as a measure of state coercion // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2012. No. 7.

10. Koryakina Z. I. Some issues of participation of the legal representative of a minor suspect (accused) in the implementation of the right to defense in pre-trial criminal proceedings in the Russian Federation // State and Law: Theory and Practice: Proc. of the International. scientific conference. Chelyabinsk: Tsitsero, 2011.

11. Krasnoselskikh I. M. Administrative law as a way to influence crime prevention // Administrative and municipal law 2016. No. 2.

12. Kurmaeva N. A. Tactical and procedural features of the participation of a specialist psychologist in the interrogation of minor victims and witnesses during the preliminary investigation // Issues of juvenile justice. 2011. No. 1 (33).

13. Makarova S. A. Some aspects of the application of compulsory educational measures in relation to minors // Issues of juvenile justice. 2014. No. 4.

14. Medvedev E. V. Concept and types of compulsory educational measures // Criminal-executive system: law, economics, management. 2009. No. 4.

15. Mishutochkin A. L. Application of the tactical technique «legal consultation» during interrogation of a suspect (accused) // Bulletin

of NSU. Vol. 6. Issue. 2. Novosibirsk: NSTU, 2013. P. 16-17.

16. Ovsyannikov I. V., Solonyina S. Yu. Establishing the possibility of correcting a minor by applying compulsory educational measures // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1. P. 153-154.

17. Rozhdestvina A. A. Transfer to supervision as a compulsory educational measure // Criminal-executive system: law, economics, management. 2008. No. 6. Pp. 7-8.

18. Skripov S. V. Illness – is it a punishment? // Judge. 2015. No. 11.

19. Sitkovskaya O. D. Criminal Code of the Russian Federation: psychological commentary (article by article) / Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation // ConsultantPlus: website.

20. Trubitsyna E. M. Age characteristics of minors and young offenders and determination of measures of influence on them in some Eastern European countries (retrospective analysis) / ed. V. V. Pankratov // Minors: their age characteristics and problems of legal responsibility: collection of scientific works. M., 2010.

21. Truntsevskiy Yu. V. Concept, content and types of measures of criminal-legal and administrative influence // Administrative and municipal law. 2015. No. 6.

22. Feldshteyn D. I. Psychology of education of teenagers. M.: Legal literature, 1978.

23. Filippova E. O. Concept, essence, goals of compulsory measures of educational influence // Concept. 2016. No. 03.

24. Shilovskaya A. L. Compulsory measures of educational influence: assessment of the state and development prospects. M.: Institute of Law and Public Policy, 2009.

25. Shcherba S. P. Legislation of foreign countries on the powers of the prosecutor and the court to apply arrest as a preventive measure, on the periods of detention and their extension // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2013. No. 4 (36).

Информация об авторах

Тучков Андрей Юрьевич – кандидат юридических наук

Information about the authors

Tuchkov Andrey Yu. – Candidate of Law, Senior Lecturer

Статья поступила в редакцию 27.08.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 18.09.2024

The article was submitted 27.08.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 18.09.2024